HX276
.K18517
1918

Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!"

К. Каутскій.

СОЦІАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Цѣна 2 р. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета
Совѣтовъ Р., С., Кр. и К. Депутатовъ.
МОСКВА—1918.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕРОССІЙСКАГО ЦЕНТРАЛЬНАГО ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА СОВѢТОВЪ РАБОЧИХЪ, С., К. и К. ДЕПУТАТОВЪ.

1.	Краткая біографія Н. Ленина	— р. 10 к.
2.	Я. Буровъ. Что означаетъ законъ о свободѣ совѣсти	— „ 25 „
3.	М. Павловичъ. Брестскій миръ и задачи экономическ. возрожденія Россіи	2 „ — „
4.	М. Павловичъ. Итоги міровой войны	2 „ 50 „
6.	М. Павловичъ. Міровая война и борьба за черный континентъ.	2 „ — „
7.	К. Либкнехтъ. Пауки и мухи	— „ 15 „
8.	В. Карпинскій. Какъ тульскій мужикъ уму-разуму научился	— „ 40 „
9.	Е. Ярославскій. Отецъ и сынъ. Вильгельмъ Либкнехтъ и Карлъ Либкнехтъ	— „ 10 „
10.	Е. Ярославскій. Карлъ Марксъ и Фр. Энгельсъ	— „ 10 „
11.	Г. Плехановъ. Основные вопросы марксизма	1 „ 50 „
12.	Н. Ленинъ. Очередныя задачи Совѣтской власти	— „ 50 „
13.	Н. Ленинъ. Борьба за хлѣбъ	— „ 50 „
14.	Г. Зиновьевъ. Контръ-революція и задачи рабочихъ	— „ 25 „
15.	В. Блоецъ. Исторія великой французск. революціи	4 „ 50 „
16.	А. Арну. Народная исторія Парижской коммуны	2 „ 50 „
17.	К. Каутскій. Экономич. ученіе К. Маркса	2 „ — „
18.	Ф. Энгельсъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства	1 „ 20 „
19.	Л. Бѣдный. О попѣ Панкратѣ, теткѣ Домнѣ и явленной иконѣ въ Коломнѣ	1 „ — „
20.	Е. Ярославскій. Августъ Бебель	— „ 10 „
21.	Ф. Энгельсъ. Развитіе соціализма отъ утопіи къ наукѣ	— „ 50 „
22.	В. Карпинскій. Въ походъ противъ царя-голода	— „ 40 „
23.	В. Карпинскій. Съ кѣмъ же вы крестьяне	— „ 10 „
24.	Л. Сосновскій. Весь хлѣбъ всему народу	— „ 40 „
25.	Г. Устиновъ. Меньшевики, правые эсеры и контръ-революція.	— „ 40 „
26.	В. Керженцевъ. Революціонная Ирландія	5 „ — „
27.	К. Л-винъ. Декабристы	— „ 80 „
28.	А. Арну. Мертвецы коммуны	— „ 20 „
29.	Г. Устиновъ. Крушеніе партіи лѣвыхъ эсеровъ	— „ 30 „
30.	А. Дикштейнъ. Кто чѣмъ живетъ	— „ 50 „
31	Б. Свидерскій. Трудъ и капиталъ	— „ 50 „
32.	Ю. Мархлевскій. Что такое полит. экономія и чему она учитъ	— „ — „
33.	П. Лафаргъ. Патріотизмъ буржуазіи	— „ 25 „

C1
C
HX276
.K1951
1918

Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

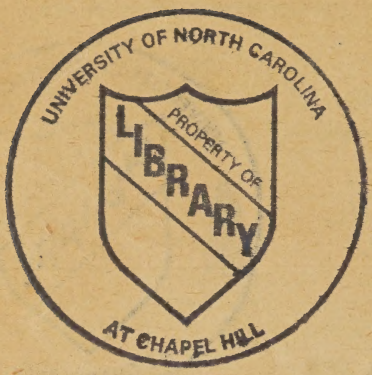
„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“!

К. Каутскій.

СОЦІАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

SOTSIAL'NAIA
REVOLIUTSIIA

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета
Совѣтовъ Р., С., Кр. и К. Депутатовъ.
МОСКВА—1918.



МОСКВА—1918 Г.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Арбатская пл., Филипповскій пер., д. 11.

I. Понятіе соціальной революціи.

Немного найдется понятій, которыя возбуждали бы такую массу споровъ, какъ понятіе революціи. Объясняется это отчасти тѣмъ, что ни одно понятіе не затрагиваетъ такъ сильно существующихъ интересовъ и предразсудковъ, какъ понятіе революціи, отчасти тѣмъ, что мало найдется понятій, допускающихъ столько различныхъ толкованій.

Явленія, вообще говоря, нельзя отграничивать одно отъ другого такъ рѣзко, какъ вещи, въ особенности же общественныя явленія, которыя отличаются крайней сложностью и усложняются тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше идетъ общество по пути развитія, т.-е. чѣмъ разнообразнѣе становятся формы совмѣстной дѣятельности людей.

Неудивительно, что это всѣми употребляемое слово употребляется въ различномъ смыслѣ не только разными людьми, но даже однимъ и тѣмъ же лицомъ въ разное время. Одни разумѣютъ подъ революціей баррикады, сожженіе замковъ, гильотины, сентябрьскія убійства, совокупность всевозможныхъ ужасовъ. Другіе обнаруживаютъ тенденцію отнять у этого слова всякій страшный смыслъ и разсматривать революцію, какъ рядъ крупныхъ, но незамѣтныхъ, мирныхъ преобразованій въ обществѣ, въ родѣ тѣхъ, которыя вызваны были открытіемъ Америки или изобрѣтеніемъ паровой машины. Между этими двумя крайностями существуютъ разнообразныя промежуточныя ступени.

Марксъ въ предисловіи къ „Критикѣ политической экономіи" называетъ соціальной революціей болѣе или менѣе быстрый переворотъ во всей огромной юридической и политической надстройкѣ общества, являющійся результатомъ измѣненія его экономическаго фундамента.

Если держаться этого опредѣленія, то изъ понятія соціальной революціи сразу устраняется „измѣненіе экономическаго фундамента" общества, вызванное, скажемъ, изобрѣтеніемъ паровой машины или

открытіемъ Америки. Это измѣненіе есть причина революціи, а не самая революція.

Однако, я не хотѣлъ бы ограничиться этимъ опредѣленіемъ соціальной революціи. Ее можно понимать и въ болѣе узкомъ смыслѣ, именно: можно не всякій переворотъ въ юридической и политической надстройкѣ общества считать революціею, — а лишь особый способъ или особую форму совершенія этого переворота.

Всякій соціалистъ стремится къ соціальной революціи въ широкомъ смыслѣ слова, и однако же есть соціалисты, которые отвергаютъ революцію и хотятъ достигнуть соціальнаго переворота только путемъ реформы. Соціальной революціи противопоставляютъ соціальную реформу. Именно въ этомъ состоитъ разногласіе, которое вызываетъ въ настоящее время споры въ нашихъ рядахъ. И я намѣренъ здѣсь говорить лишь о соціальной революціи въ этомъ узкомъ смыслѣ слова,—въ смыслѣ особаго совершенія соціальнаго переворота.

Противоположность между реформой и революціей заключается не въ томъ, что въ одномъ случаѣ примѣняется сила, а въ другомъ нѣтъ. Всякое юридическое и политическое мѣропріятіе есть мѣропріятіе насильственное, проводимое силою государства. Особенные виды примѣненія силы, — уличныя схватки и казни, — также не составляютъ существеннаго свойства революціи въ противоположность реформѣ. Они вызываются особенными обстоятельствами, не имѣютъ необходимой внутренней связи съ революціей и могутъ быть спутниками также и реформистскихъ движеній. Когда депутаты третьяго сословія объявили себя національнымъ собраніемъ Франціи 17 іюня 1789 года, это былъ въ высшей степени революціонный актъ, хотя онъ и не сопровождался никакими насильственными дѣйствіями. Наоборотъ, въ той же Франціи въ 1774 и 1775 гг. были крупныя возстанія, преслѣдовавшія лишь такую, совсѣмъ не революціонную, цѣль, какъ установленіе таксы на хлѣбъ, которое должно было будто бы положить конецъ вздорожанію хлѣба.

Указавъ на уличныя схватки и казни, какъ на признаки революціи, мы тѣмъ самымъ подошли къ источнику, изъ котораго мы можемъ почерпнуть поучительныя данныя по вопросу о сущности революціи. Великій переворотъ, начавшійся во Франціи въ 1789 году, сдѣлался классическимъ типомъ всякой революціи. Именно этотъ переворотъ больше всего имѣютъ въ виду, когда говорятъ о революціи. На немъ всего лучше можемъ мы изучить сущность революціи и выяснить противоположность между революціей и реформой. Французской революціи предшествовалъ цѣлый рядъ попытокъ произвести реформы (самыя замѣчательныя изъ нихъ принадлежатъ Тюрго),— попытокъ, которыя во многихъ отношеніяхъ стремились къ тому самому, что было впослѣдствіи осуществлено революціей. Чѣмъ отличаются реформы Тюрго отъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій революціи?

Между тѣми и другими лежитъ завоеваніе политической власти новымъ классомъ. Въ этомъ именно и заключается существенное различіе между революціей и реформой. Мѣропріятія, имѣющія цѣлью привести юридическую и политическую надстройку общества въ соотвѣтствіе съ измѣнившимися экономическими условіями, являются реформами, если они исходятъ отъ тѣхъ же классовъ, которые и до тѣхъ поръ политически и экономически господствовали надъ обществомъ, — являются реформами даже въ томъ случаѣ, когда они не даются добровольно, а вынуждаются давленіемъ со стороны угнетенныхъ классовъ или силою обстоятельствъ. Наоборотъ, такого рода мѣропріятія суть дѣянія революціи, если они исходятъ отъ такого класса, который до сихъ поръ былъ политически и экономически угнетеннымъ классомъ, а теперь завоевалъ себѣ политическую власть и этой властью онъ въ своихъ собственныхъ интересахъ долженъ воспользоваться для того, чтобы болѣе или менѣе быстро передѣлать всю политическую и юридическую надстройку и создать новыя формы совмѣстной дѣятельности людей.

Итакъ, завоеваніе государственной власти угнетеннымъ до тѣхъ поръ классомъ, т. е. политическая революція, составляетъ существенный признакъ соціальной революціи въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ противоположность соціальной реформѣ. Кто принципіально отвергаетъ политическую революцію, какъ средство соціальнаго переворота, или хочетъ свести этотъ переворотъ къ такимъ только мѣропріятіямъ, которыхъ можно добиться отъ господствующихъ классовъ, тотъ является соціалъ-реформистомъ, — въ какомъ бы сильномъ противорѣчіи его общественный идеалъ ни находился съ существующей формой общественнаго устройства. Напротивъ, всякій, кто стремится къ тому, чтобы угнетенный до сихъ поръ классъ завоевалъ себѣ политическую власть, является революціонеромъ. Такой человѣкъ нисколько не перестаетъ быть революціонеромъ, когда хочетъ подготовить это завоеваніе и ускорить его посредствомъ соціальныхъ реформъ, которыя онъ старается вынудить у господствующихъ классовъ. Не стремленіе къ соціальнымъ реформамъ, а ограниченіе своей задачи соціальными реформами, — вотъ что отличаетъ соціалъ-реформиста отъ соціалъ-революціонера. Съ другой стороны, только тогда политическая революція становится революціей соціальной, когда она исходитъ отъ соціально-угнетеннаго класса, когда этотъ классъ, старое общественное положеніе котораго находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ его политическимъ господствомъ, оказывается поставленнымъ въ необходимость завершить свою политическую эмансипацію эмансипаціей соціальной. Распри среди господствующихъ классовъ, какія бы рѣзкія формы гражданской войны она ни принимала, не есть соціальная революція.

Только о соціальной революціи въ разъясненномъ здѣсь смыслѣ я и буду говорить въ дальнѣйшихъ главахъ.

2. Эволюція и революція.

Соціальная реформа можетъ быть вполнѣ примирима съ интересами господствующихъ классовъ. Ихъ господствующее положеніе въ обществѣ она во всякомъ случаѣ оставляетъ для даннаго момента неприкосновеннымъ и можетъ даже, при извѣстныхъ условіяхъ, укрѣплять его. Напротивъ, соціальная революція по самому существу своему непримирима съ интересами господствующихъ классовъ, такъ какъ она означаетъ при всякихъ другихъ условіяхъ уничтоженіе ихъ господствующаго положенія. Неудивительно, что господствующіе классы всегда поносили и клеймили революцію и, когда имъ начинало казаться, что ихъ положеніе колеблется, противопоставляли идеѣ соціальной революціи идею соціальной реформы, превознося эту послѣднюю до небесъ, — съ тѣмъ, конечно, чтобы сплошь да рядомъ не давать ей превратиться въ дѣйствительность на землѣ.

Аргументы противъ революціи брались всегда изъ господствовавшихъ въ данный моментъ формъ мышленія. Пока надъ мышленіемъ людей господствовало христіанство, революцію отвергали, какъ грѣховное возстаніе противъ Богомъ поставленной власти. Въ новомъ завѣтѣ легко было найти доказательства въ пользу этого мнѣнія, такъ какъ новый завѣтъ возникъ въ эпоху Римской имперіи, въ такой періодъ, когда казалось безнадежнымъ всякое возстаніе противъ господствовавшихъ властей, когда прекратилась всякая самостоятельная политическая жизнь. Въ свою очередь, революціонные классы отвѣчали на эти доказательства текстами изъ ветхаго завѣта, въ которомъ живъ еще мѣстами духъ первобытной крестьянской демократіи.

Впослѣдствіи, когда теологическій способъ мышленія смѣнился юридическимъ, революцію стали опредѣлять, какъ насильственную ломку существующаго правопорядка; нарушать же право,—разсуждали противники революціи,—никто не имѣетъ права; слѣдовательно, право на революцію—абсурдъ, революція во всякомъ случаѣ является правонарушеніемъ. А представители стремившихся къ освобожденію классовъ противопоставляли существующему, юридически сложившемуся праву—то право, котораго они добивались, какъ вѣчное, разумное и естественное право, какъ неотъемлемое право человѣка; обратное же завоеваніе этого права, послѣдняго права, которое могло погибнуть, очевидно, лишь вслѣдствіе правонарушеній,—нельзя считать правонарушеніемъ, хотя бы оно совершилось и путемъ революціи.

Въ настоящее время теологическіе аргументы уже никого не сбиваютъ съ толку; всего менѣе могутъ они оказать вліяніе на революціонные слои народа. Но и ссылка на историческое право утратила свою силу. Революціонное происхожденіе современнаго права и современныхъ правительствъ слишкомъ свѣжо, чтобы въ защиту ихъ можно было апеллировать къ законности. Не только правительства

Франціи, но и династіи Италіи, Испаніи, Болгаріи, Англіи, Голландіи—всѣ революціоннаго происхожденія; короли баварскій и вюртембергскій, великіе герцоги баденскій и гессенскій не только своими титулами, но и значительной частью своихъ областей обязаны революціонному выскочкѣ Наполеону; Гогенцоллерны утвердили свое теперешнее положеніе на развалинахъ троновъ, и даже Габсбурги преклонились передъ венгерской революціей; повѣшенный (заочно) въ 1852 году государственный преступникъ Андраши сдѣлался въ 1866 году императорскимъ министромъ, нисколько не измѣняя идеямъ венгерской революціи 1848 г.

Буржуазія сама принимала живѣйшее участіе во всѣхъ этихъ ломкахъ историческаго права. Поэтому, разъ сдѣлавшись господствующимъ классомъ, она не могла уже осуждать революцію во имя этого права, хотя ея философы права и употребляли всѣ усилія, чтобы примирить между собою историческое и естественное право. Для заклейменія революціи буржуазія должна была искать болѣе дѣйствительныхъ аргументовъ, и она нашла ихъ въ новомъ, выросшемъ вмѣстѣ съ нею, способѣ мышленія, — въ естественно-научномъ. Пока буржуазія была революціонна, до тѣхъ поръ и въ естественной наукѣ (геологія и біологія) господствовали теоріи катастрофъ, въ основѣ которыхъ лежало представленіе, что развитіе природы идетъ внезапными, рѣзкими скачками. Когда буржуазная революція была вполнѣ завершена, на мѣсто теоріи катастрофъ выдвинулось ученіе о постепенномъ незамѣтномъ развитіи, являющемся результатомъ накопленія безчисленнаго множества крохотныхъ шажковъ впередъ и приспособленій къ конкуренціонной борьбѣ. Революціонной буржуазіи очень близка была мысль о катастрофахъ не только въ обществѣ, но и въ природѣ; консервативной буржуазіи эта идея стала казаться неразумной и неестественной.

Я не хочу, конечно, сказать этимъ, будто при созданіи своихъ теорій въ каждый данный моментъ естествоиспытатели руководятся политическими и соціальными потребностями буржуазіи. Совсѣмъ нѣтъ. Тѣ самые люди, которые выступали приверженцами теоріи катастрофъ, по своимъ политическимъ взглядамъ являлись иногда завзятыми реакціонерами, а отнюдь не революціонерами. Но дѣло въ томъ, что всякій ученый невольно поддается способу мышленія того класса, среди котораго онъ живетъ, и всякій вноситъ кое-что изъ этого способа мышленія въ свои научныя воззрѣнія. Относительно Дарвина намъ положительно извѣстно, что его естественно-научныя гипотезы создались подъ сильнымъ вліяніемъ экономическихъ взглядовъ Т. Р. Мальтуса, этого рѣшительнаго противника революціи. Не случайность также, что теоріи эволюціи (Ляйель, Дарвинъ) возникли въ Англіи, — странѣ, гдѣ въ теченіе послѣднихъ 250 лѣтъ замѣчаются только зачатки революціонныхъ движеній, развитіе которыхъ всегда заблаговременно умѣютъ остановить господствующіе классы.

Само собой разумѣется, что зависимость даннаго воззрѣнія отъ настроенія тѣхъ классовъ, среди которыхъ оно возникаетъ, не можетъ служить доказательствомъ вѣрности или невѣрности этого воззрѣнія. Но отъ ихъ настроенія очень можетъ зависѣть историческій успѣхъ даннаго воззрѣнія. Если новыя теоріи развитія были быстро и съ восторгомъ приняты широкими кругами народа, не имѣвшими абсолютно никакой возможности ихъ провѣрить, то объясняется это тѣмъ, что названныя теоріи соотвѣтствовали глубоко чувствовавшимся потребностямъ данныхъ слоевъ общества. Съ одной стороны,—и это обстоятельство дѣлало ихъ цѣнными даже въ глазахъ революціонныхъ слоевъ народа,—теоріи развитія гораздо радикальнѣе, чѣмъ старыя теоріи катастрофъ, устраняли всякую необходимость признанія сверхъестественной силы, которая создаетъ мало-по-малу міръ отдѣльными актами творенія; съ другой стороны,—и этимъ онѣ всего больше нравились буржуазіи, теоріи развитія всякую революцію, всякую катастрофу объявляли чѣмъ-то неестественнымъ, находящимся въ противорѣчіи съ законами природы, а слѣдовательно и неразумнымъ. Кто теперь хочетъ вести на научной почвѣ борьбу противъ революціи, тотъ дѣлаетъ это во имя естественно-научной теоріи эволюціи, которая говоритъ, что природа не знаетъ скачковъ, что никакое внезапное измѣненіе общественныхъ отношеній невозможно, что прогрессъ можетъ совершаться только путемъ суммированія мельчайшихъ измѣненій и улучшеній, называемыхъ въ области жизни общественной соціальными реформами. Революція съ этой точки зрѣнія представляется понятіемъ совершенно ненаучнымъ, по поводу котораго научно-образованные люди могутъ только пожать плечами.

На это можно было бы возразить, что общественныя явленія нельзя прямолинейно приравнивать къ явленіямъ природы. Правда, наше пониманіе однихъ безсознательно оказываетъ, какъ мы только что видѣли, вліяніе на наше пониманіе другихъ; но хорошаго-то въ этомъ мало, и мы не только не должны сознательно поощрять всякое прямолинейное перенесеніе законовъ одной области явленій на другую область, а, напротивъ, должны ограничивать его. Несомнѣнно, что всякій прогрессъ въ методахъ наблюденія и пониманія явленій въ одной области можетъ и будетъ способствовать усовершенствованію методовъ наблюденія и пониманія явленій въ другой области, но точно такъ же несомнѣнно, что каждая изъ этихъ областей подчиняется своеобразнымъ законамъ, которые не имѣютъ силы для другой.

Приходится проводить уже рѣзкую грань между мертвой природой и природою живою; никому не придетъ въ голову на основаніи только внѣшняго сходства переносить законъ, имѣющій силу для одной изъ этихъ областей, на другую, напр., проблемы полового размноженія и наслѣдственной передачи разрѣшать просто путемъ

примѣненія законовъ химическихъ соединеній. А между тѣмъ, такую же ошибку дѣлаютъ, когда законы природы прямо примѣняютъ къ обществу, — напр., когда, ссылаясь на борьбу за существованіе, объявляютъ конкуренцію естественной необходимостью, или когда изъ законовъ естественной эволюціи выводятъ неразумность или невозможность общественной революціи.

Но можно бы возразить и еще больше. Если въ естествознаніи похоронены навѣки старыя теоріи катастрофъ, то вѣдь и новыя теоріи, утверждающія, что эволюція можетъ совершаться только путемъ накопленія мельчайшихъ, незамѣтныхъ измѣненій, начинаютъ встрѣчать все болѣе и болѣе сильную оппозицію. Съ одной стороны, увеличивается тяготѣніе къ квіетистическимъ ученіямъ, къ консервативнымъ теоріямъ, которыя даже и эволюцію сводятъ до минимума; съ другой стороны, факты вынуждаютъ снова отводить въ области развитія природы болѣе широкое мѣсто катастрофамъ. Это относится какъ къ Ляйелевскимъ теоріямъ геологической эволюціи, такъ и къ Дарвиновскимъ теоріямъ органической эволюціи.

Совершается нѣкоторый синтезъ старыхъ теорій катастрофъ съ новыми теоріями эволюціи, сходный съ тѣмъ синтезомъ, который нашли они въ марксизмѣ. Какъ марксизмъ различаетъ медленное экономическое развитіе и болѣе быстрый переворотъ юридической и политической надстройки, такъ и нѣкоторыя новѣйшія біологическія теоріи, не ряду съ медленнымъ накопленіемъ мелкихъ и мельчайшихъ измѣненій, признаютъ и рѣзкія, коренныя измѣненія формъ, катастрофы, являющіяся результатомъ первыхъ.

Замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ наблюденія, сообщенныя де-Фрисомъ на послѣднемъ съѣздѣ естествоиспытателей въ Гамбургѣ. Онъ нашелъ, что виды растеній и животныхъ долго остаются неизмѣнными; одни въ концѣ концовъ погибаютъ, когда сдѣлаются устарѣлыми и окажутся неприспособленными къ жизненнымъ условіямъ, измѣнившимся за это время; другіе виды счастливѣе, они,—какъ выражается самъ названный ученый,—внезапно „взрываются“, чтобы дать жизнь множеству новыхъ формъ, изъ которыхъ нѣкоторыя выживаютъ и размножаются, а остальныя, не соотвѣтствующія условіямъ жизни, погибаютъ.

Я не имѣю намѣренія дѣлать изъ этихъ новыхъ наблюденій выводы въ пользу революціи; это значило бы съ моей стороны впасть въ ту же самую ошибку, въ которую впадаютъ люди, выводящіе изъ теоріи эволюціи неразумность революціи. Но вышеупомянутыя наблюденія доказываютъ по меньшей мѣрѣ то, что естествоиспытатели сами расходятся между собою въ мнѣніяхъ по вопросу о роли катастрофъ въ развитіи земли и организмовъ, что, слѣдовательно, уже въ виду одного этого было бы неосмотрительно изъ той или другой ихъ гипотезы дѣлать прямолинейные выводы относительно роли революціи въ общественномъ развитіи.

Если бы, несмотря на все это, кто-либо сталъ дѣлать подобные выводы, то мы могли бы въ видѣ возраженія привести одинъ очень простой, общеизвѣстный примѣръ, осязательно показывающій, что и природа дѣлаетъ скачки: я имѣю въ виду актъ родовъ. Актъ родовъ есть скачекъ. Зародышъ, который составляетъ часть материнскаго организма, имѣетъ общее съ нимъ кровообращеніе, получаетъ отъ него питаніе, не дышитъ,—при родахъ сразу превращается въ самостоятельное человѣческое существо, съ собственнымъ кровообращеніемъ, существо, которое дышитъ и кричитъ, принимаетъ и выдѣляетъ черезъ кишечный каналъ собственную пищу.

Аналогія между родами и революціей не ограничивается одною лишь скачкообразностью процесса. Всматриваясь въ дѣло ближе, мы видимъ, что это скачкообразное превращеніе распространяется при родахъ только на функціи. Органы развиваются лишь медленно, и только на извѣстной ступени ихъ развитія становится возможнымъ тотъ скачекъ, который однимъ ударомъ заставляетъ ихъ функціонировать. Если скачокъ происходитъ раньше, чѣмъ достигнута эта ступень развитія, то въ результатѣ получается не начало новаго функціонированія органовъ, а прекращеніе всѣхъ функцій, смерть новаго существа. Съ другой стороны, какъ бы долго ни продолжалось медленное развитіе органовъ въ утробѣ матери, новыя функціи этихъ органовъ никогда не могли бы возникнуть безъ революціоннаго акта родовъ. На извѣстной ступени развитія органовъ зародыша этотъ революціонный актъ становится неизбѣжнымъ.

То же самое видимъ мы и въ обществѣ. И здѣсь революціи точно такъ же являются результатомъ медленныхъ, постепенныхъ процессовъ развитія (эволюціи). И здѣсь медленно развиваются только общественные органы; рѣзко, однимъ ударомъ, революціонно, могутъ быть измѣнены лишь функціи этихъ органовъ. Желѣзнодорожное дѣло развивается медленно, мало-по-малу. Но данную желѣзную дорогу можно разомъ превратить изъ предпріятія, функціонирующаго капиталистически, служащаго къ обогащенію извѣстнаго числа капиталистовъ,—въ предпріятіе, функціонирующее соціалистически, служащее исключительно общему благу. И какъ при родахъ революціонизируются за разъ всѣ функціи ребенка,—кровообращеніе, дыханіе, пищевареніе,—такъ и всѣ функціи желѣзной дороги должны быть революціонизированы одновременно, однимъ ударомъ, ибо всѣ онѣ связаны между собою тѣснѣйшимъ образомъ. Невозможно соціализировать эти функціи постепенно, одну за другою, напр., сегодня функціи машинистовъ и истопниковъ, черезъ нѣсколько лѣтъ функціи станціонныхъ сторожей, еще черезъ нѣсколько лѣтъ функціи кассировъ и бухгалтеровъ и т. д. Въ примѣненіи къ желѣзной дорогѣ это ясно какъ божій день; но не меньшую безсмыслицу, нежели постепенное соціализированіе различныхъ функцій желѣзной дороги, представляетъ собою и постепенное соціализированіе какого-

нибудь министерства въ централизованномъ государствѣ. Министерство также является однимъ организмомъ, органы котораго должны дѣйствовать вмѣстѣ, такъ что функціи одного изъ нихъ не могутъ измѣниться безъ измѣненія функцій всѣхъ остальныхъ органовъ. Идея постепеннаго завоеванія соціалъ-демократіею отдѣльныхъ департаментовъ министерства не менѣе нелѣпа, чѣмъ попытка разложить актъ родовъ на нѣсколько отдѣльныхъ,—слѣдующихъ одинъ за другимъ, скажемъ, черезъ мѣсяцъ,—родовыхъ актовъ, превращать при каждомъ изъ этихъ актовъ какой-нибудь отдѣльный органъ изъ состоянія зародыша въ состояніе самостоятельнаго существа, и держать на пуповинѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не научится говорить и ходить.

Но, если желѣзныя дороги или министерство могутъ быть превращены изъ капиталистически функціонирующихъ учрежденій въ соціалистически функціонирующія, изъ органовъ капитала въ органы рабочаго класса не иначе, какъ однимъ ударомъ и во всѣхъ своихъ частяхъ за разъ, то сдѣлать это можно лишь на извѣстной ступени развитія всѣхъ общественныхъ органовъ,—при чемъ, конечно, для общества нельзя установить съ такой научной точностью, какъ установляется это для материнскаго организма,—когда именно достигнута требуемая степень зрѣлости.

Съ другой стороны, актъ рожденія означаетъ не окончаніе развитія человѣческихъ органовъ, а начало новой эпохи развитія. Ребенокъ вступаетъ теперь въ новыя условія существованія, при которыхъ образуются новые органы, а органы, уже имѣющіеся, совершенствуются далѣе, каждый въ своемъ особомъ направленіи. Во рту вырастаютъ зубы, глаза научаются видѣть, руки — брать, ноги—ходить, ротъ—говорить и т. д. Точно такъ же и соціальная революція означаетъ не завершеніе соціальной эволюціи, а начало новаго развитія общества. Соціалистическая революція можетъ превратить фабрику изъ капиталистической собственности въ собственность общественную однимъ ударомъ. Но лишь постепенно, въ теченіе медленно совершающагося процесса развитія можно было бы превратить фабрику изъ мѣста однообразнаго, отталкивающаго каторжнаго труда въ привлекательное мѣсто веселой работы жизнерадостныхъ людей. Точно такъ же соціалистическая революція могла бы однимъ ударомъ обратить въ общественную собственность существующія нынѣ крупныя сельскохозяйственныя предпріятія. Но гдѣ господствуетъ мелкое сельское хозяйство, тамъ должны были бы создаться органы общественнаго, соціалистическаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ, а такіе органы могутъ явиться лишь результатомъ медленнаго развитія.

Какъ видитъ читатель, аналогію между актомъ родовъ и революціей можно провести очень далеко. Но, разумѣется, отсюда слѣдуетъ только то, что ссылками на природу никоимъ образомъ нельзя доказывать, будто соціальная революція представляетъ собою нѣчто

по необходимости неразумное и неестественное. Какъ уже сказано, мы не имѣемъ никакого права на основаніи наблюденій надъ явленіями природы дѣлать прямолинейные выводы относительно общественныхъ явленій. Мы не имѣемъ, стало быть, права итти дальше, и на основаніи этой аналогіи между родами и революціей заключать: какъ всякое животное должно разъ пережить катастрофу, чтобы подняться на высшую ступень развитія (актъ родовъ или у птицъ вылупливаніе изъ яйца), такъ и общество можетъ подняться на болѣе высокую ступень развитія только путемъ катастрофы.

3. Революціи въ древности и въ средніе вѣка.

Къ рѣшенію вопроса о томъ, является ли революція необходимостью или нѣтъ, мы можемъ притти лишь путемъ изслѣдованія фактовъ, характеризующихъ ходъ общественнаго развитія, а не путемъ естественно-историческихъ аналогій. Но стоитъ только бросить взглядъ на этотъ ходъ развитія, чтобы убѣдиться, что соціальная революція въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, принимаемомъ нами здѣсь, не есть необходимое послѣдствіе всякаго соціальнаго развитія. Развитіе общества происходило, и притомъ въ очень широкихъ размѣрахъ, еще до возникновенія классовыхъ противоположностей и политической власти; очевидно, однако же, что на этой стадіи эволюціи не могло быть и рѣчи о завоеваніи политической власти угнетеннымъ классомъ, а слѣдовательно, и о соціальной революціи.

Но и послѣ того, какъ образовались классовыя противоположности и государственная власть, мы еще долго не видимъ ничего такого, что бы вполнѣ соотвѣтствовало нашему понятію соціальной революціи,—ни въ древности, ни въ средніе вѣка. Мы встрѣчаемъ, правда, очень часто ожесточенную классовую борьбу, гражданскія войны, политическія катастрофы, но мы не находимъ того, чтобы хоть какая-нибудь изъ этихъ катастрофъ привела къ прочному и радикальному измѣненію въ отношеніяхъ собственности, а стало быть, и къ образованію новой формы общества.

Причины этого нужно, по моему мнѣнію, искать въ слѣдующемъ. Въ древности, а также въ средніе вѣка, центръ тяжести экономической и политической жизни лежалъ въ о б щ и н ѣ. Каждая община представляла собою самодовлѣющую во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ соціальную единицу, которая связана была лишь очень слабыми узами съ внѣшнимъ міромъ. Большія государства являлись только конгломератами общинъ, связанныхъ воедино какою-либо династіей или общиной, господствовавшей надъ остальными и эксплуатировавшей ихъ. Каждая община шла своимъ особымъ путемъ экономическаго развитія, опредѣлявшимся ея своеобразными мѣстными условіями, а соотвѣтственно этому въ каждой общинѣ велась своя особая классовая борьба. Слѣдовательно, политическія революціи этихъ

эпохъ были, прежде всего, лишь коммунальными, общинными революціями; уже поэтому не было возможности произвести посредствомъ политической революціи переворотъ во всей общественной жизни болѣе или менѣе обширной области.

Чѣмъ меньше число индивидуумовъ, участвующихъ въ данномъ общественномъ движеніи, чѣмъ въ меньшей степени движеніе это является движеніемъ массовымъ, тѣмъ меньше выступаетъ въ немъ наружу всеобщее и закономѣрное, тѣмъ больше преобладаетъ въ немъ случайное и личное. Еще рѣзче должно было обнаруживаться это при разнообразіи классовой борьбы въ различныхъ общинахъ. А такъ какъ въ классовой борьбѣ не выступали массовыя явленія, такъ какъ закономѣрное и общее заслонялось случайнымъ и личнымъ, то не было почвы и для болѣе глубокаго пониманія общественныхъ причинъ и цѣлей классовыхъ движеній. Какъ ни грандіозна работа, выполненная греческой философіей,—понятіе научной политической экономіи оставалось ей совершенно чуждымъ. У Аристотеля находимъ мы лишь слабые зачатки политической экономіи; помимо того, греки и римляне оставили намъ въ экономической области только руководства къ практическому веденію хозяйства, особенно сельскаго хозяйства, въ родѣ составленныхъ Ксенофонтомъ и Варрономъ.

А разъ глубокія общественныя причины положенія отдѣльныхъ классовъ общества оставались скрытыми и разъ онѣ заслонялись дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ и мѣстными случайностями, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и угнетенные классы, когда имъ удавалось завоевать политическую власть, пользовались ею, прежде всего, для устраненія отдѣльныхъ личностей и отдѣльныхъ мѣстныхъ учрежденій и не брались за основаніе новаго общественнаго порядка.

Но самой важной причиною, мѣшавшей развитію такого рода революціонныхъ стремленій, являлась медленность экономическаго развитія. Оно совершалось незамѣтно; крестьяне и ремесленники работали такъ, какъ привыкли они работать со временъ дѣдовъ и прадѣдовъ; старое и испытанное считалось наиболѣе подходящимъ и совершеннымъ. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда стремились къ новому, старались убѣдить себя и другихъ, что новшество означаетъ-де возвратъ къ позабытому старому. Усовершенствовать въ техникѣ не создавали потребности въ новыхъ формахъ собственности, такъ какъ они заключались лишь въ развитіи общественнаго раздѣленія труда, въ дѣленіи одного стараго промысла на нѣсколько новыхъ; но въ каждомъ изъ вновь образовавшихся промысловъ продукты производились тѣмъ же ремесленнымъ способомъ, какъ и прежде, средства производства были ничтожны, и ремесленная ловкость попрежнему сохраняла рѣшающее значеніе. Правда, рядомъ съ крестьянами и ремесленниками мы находимъ крупныя хозяйства,—а къ концу древней эпохи и крупныя промышленныя предпріятія,—но

они ведутся при помощи труда рабовъ, которые стоятъ внѣ общины, какъ чужеземцы. Такого рода предпріятія были не болѣе какъ роскошью и не могли развернуть никакой особенной хозяйственной силы,—за исключеніемъ развѣ періодовъ большихъ войнъ, подрывавшихъ крестьянское хозяйство и удешевлявшихъ рабочую силу рабовъ. Высшей формы хозяйства и новаго соціальнаго идеала не можетъ возникнуть изъ рабовладѣльческаго хозяйства.

Единственныя формы капитала, которыя развиваются въ древности и въ средніе вѣка,—это капиталъ ростовщическій и торговый. Тотъ и другой могутъ иногда вызвать быстрыя измѣненія въ экономической жизни. Но торговый капиталъ лишь ускорялъ распаденіе старыхъ промысловъ на множество новыхъ и развитіе крупнаго хозяйства, основаннаго на рабскомъ трудѣ; ростовщическій капиталъ вызывалъ только упадокъ существующихъ формъ производства, не создавая новыхъ. Борьба противъ ростовщическаго капитала и противъ крупнаго сельскаго хозяйства, основаннаго на рабскомъ трудѣ, приводитъ по временамъ къ политической борьбѣ, которая имѣетъ нѣкоторое сходство съ соціальными революціями нашего времени. Но цѣль этой политической борьбы заключается всегда лишь въ возстановленіи прежнихъ порядковъ, а не въ созданіи новаго общественнаго строя. Такъ это было въ эпоху Солона въ Аѳинахъ, когда были уничтожены долги, тяготѣвшіе надъ крестьянствомъ Аттики (seisachtheia), такъ это было и во время тѣхъ движеній крестьянъ и пролетаріевъ въ Римѣ, во главѣ которыхъ стояли братья Гракхи.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ,—медленность экономическаго развитія, недостатокъ глубокаго пониманія общественныхъ явленій, раздробленіе политической жизни между множествомъ разнородныхъ общинъ,—присоединялось въ классической древности, а во многихъ случаяхъ и въ средніе вѣка, еще то обстоятельство, что средства къ насильственному подавленію движеній угнетенныхъ классовъ были сравнительно незначительны. Бюрократія не существовало,—по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ еще господствовала дѣятельная политическая жизнь, гдѣ классовая борьба велась самымъ энергичнымъ образомъ. Въ Римскомъ государствѣ, напр., бюрократія развилась лишь въ императорскую эпоху. Отношенія какъ между отдѣльными членами общины, такъ и между общинами отличались простотой и ясностью, и для пониманія ихъ не требовалось особыхъ спеціальныхъ знаній. Господствующіе классы легко могли поставлять изъ своей среды людей, необходимыхъ для управленія государствомъ,—тѣмъ болѣе, что господство тогда приносило съ собой и досугъ, который употреблялся для художественной, философской и политической дѣятельности. Господствующіе классы не только господствовали,—они и управляли вмѣстѣ съ тѣмъ.

Съ другой стороны, и народная масса не была совершенно беззащитна. Какъ разъ въ лучшія времена классической древности

господствовала система милиціи, каждый гражданинъ государства былъ вооруженъ. При такихъ обстоятельствахъ достаточно было нерѣдко какого-нибудь незначительнаго измѣненія въ распредѣленіи силы между классами, чтобы государственная власть перешла въ руки новаго класса. Классовымъ противоположностямъ трудно было обостриться до такой степени, чтобы въ угнетенныхъ классахъ пустила глубокіе корни мысль о полномъ ниспроверженіи всего существующаго строя, чтобы въ средѣ угнетающихъ классовъ стало общимъ правиломъ упорное отстаиваніе всѣхъ ихъ привилегій. Это опять-таки способствовало тому, что политическія революціи сводились въ большинствѣ случаевъ, какъ мы уже замѣтили, лишь къ уничтоженію отдѣльныхъ непорядковъ и къ устраненію отдѣльныхъ личностей; но, съ другой стороны, это способствовало также и тому, что такого рода революціи оказывалось нерѣдко возможнымъ предотвратить при помощи компромиссовъ.

Изъ новѣйшихъ крупныхъ государствъ ближе всего стоитъ къ среднимъ вѣкамъ Англія, не въ экономическомъ отношеніи, а по своимъ политическимъ формамъ.

Здѣсь всего менѣе развиты бюрократія и милитаризмъ, здѣсь существуетъ еще аристократія, которая не только господствуетъ, но и управляетъ. Соотвѣтственно этому, Англія и является такимъ современнымъ крупнымъ государствомъ, въ которомъ стремленія угнетенныхъ классовъ ограничиваются по большей части уничтоженіемъ отдѣльныхъ непорядковъ, не направляясь противъ всего общественнаго строя въ цѣломъ,— такимъ государствомъ, въ которомъ практика предотвращенія революцій при помощи компромиссовъ получила наиболѣе широкое развитіе.

Если система милиціи, при которой каждый гражданинъ носитъ оружіе, не благопріятствовала крупнымъ соціальнымъ революціямъ, то тѣмъ болѣе способствовала она тому, что враждующіе классы даже при маловажныхъ случаяхъ выступали другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ. Въ древности и въ средніе вѣка нѣтъ недостатка въ кровавыхъ возстаніяхъ и гражданскихъ войнахъ. Ярость, съ какою велись эти войны, достигала часто необычайной степени, дѣло кончалось иногда изгнаніемъ и экспропріированіемъ и даже истребленіемъ побѣжденныхъ. Кто видитъ въ насильственныхъ дѣйствіяхъ отличительный признакъ соціальной революціи, тотъ отыщетъ въ прошломъ множество такого рода революцій. Но кто усматриваетъ соціальную революцію лишь тамъ, гдѣ завоеваніе политической власти угнетеннымъ до сихъ поръ классомъ приводитъ къ радикальной передѣлкѣ всей юридической и политической надстройки общества, въ особенности къ перевороту въ отношеніяхъ собственности,—тотъ не найдетъ тамъ ни одной соціальной революціи. Соціальное развитіе идетъ тутъ медленно, толчками, не концентрируясь въ отдѣльныхъ крупныхъ катастрофахъ, а раздробляясь

на множество мелкихъ катастрофъ, идетъ, повидимому, безсвязно зачастую прерываясь, постоянно возобновляясь опять, большею частью помимо сознанія людей. Самая крупная общественная перемѣна разсматриваемаго нами времени, именно—исчезновеніе рабства въ Европѣ, совершается до такой степени незамѣтно, что современники даже не говорятъ объ этомъ процессѣ, и намъ теперь приходится возстановлять его при помощи гипотезъ.

4. Соціальная революція капиталистическаго періода.

Совершенно другой видъ получаетъ дѣло, когда начинаетъ развиваться капиталистическій способъ производства. Я не стану здѣсь объяснять механизмъ капиталистическаго способа производства и тѣ послѣдствія, къ которымъ онъ приводитъ: во-первыхъ, это завело бы насъ слишкомъ далеко, а во-вторыхъ, это значило бы повторять вещи всѣмъ извѣстныя. Достаточно подчеркнуть одно обстоятельство: капиталистическій способъ производства создаетъ современное государство, которое полагаетъ конецъ политической самостоятельности общинъ и областей, при чемъ въ то же самое время исчезаетъ и экономическая ихъ самостоятельность. Каждая община и область дѣлается частью цѣлаго, утрачиваетъ свои особенныя права и свою самобытность; всѣ нивелируются, всѣ подчиняются одинаковымъ законамъ, однимъ и тѣмъ же судамъ, одной и той же администраціи, всѣ несутъ одинаковые налоги. Поэтому новѣйшее государство по необходимости должно стремиться и къ тому, чтобы сдѣлаться государствомъ національнымъ, къ тому, чтобы къ другимъ видамъ равенства прибавить и одинаковость языка *).

Вліяніе государственной власти на общественную жизнь пріобрѣтаетъ теперь совершенно другой характеръ, чѣмъ въ древности и въ средніе вѣка. Всякое значительное политическое преобразованіе въ современномъ крупномъ государствѣ тотчасъ же оказываетъ самое глубокое вліяніе на громадное общественное цѣлое, воздѣйствуя на него одинаковымъ образомъ и одновременно. Слѣдовательно, завоеваніе политической власти угнетеннымъ классомъ уже по одному этому должно вести за собою совершенно другія соціальныя послѣдствія, чѣмъ прежде.

Къ этому нужно еще прибавить, что могущество современной государственной власти возросло до необычайной степени. Техническая революція, произведенная капитализмомъ, распространяется и на военную технику. Со временъ реформаціи оружіе и орудія войны становятся все совершеннѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и все дороже; они дѣ-

*) По-нѣмецки непереводимая игра словъ: Gleichheit значитъ и „равенство“ и „одинаковость“.

Прим. переводчика.

лаются привилегіей государственной власти. Уже по одной этой причинѣ армія отдѣляется отъ народа,—даже тамъ, гдѣ существуетъ всеобщая воинская повинность, разъ она не дополняется народнымъ ополченіемъ, чего еще нѣтъ пока ни въ одномъ крупномъ государствѣ; и повсюду предводители арміи являются профессіональными солдатами, отдѣленными отъ народа, составляющими привилегированную касту.

Но и экономическія средства современнаго централизованнаго государства оказываются огромными, по сравненію съ средствами прежнихъ государствъ. Оно сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ богатство громадной области, техническія средства которой далеко оставляютъ позади даже техническія средства наиболѣе высокихъ культуръ древности.

И при этомъ въ распоряженіи современнаго государства имѣется централизованная бюрократія, какой не знало ни одно государство древности и среднихъ вѣковъ. Задача современной государственной власти возросли до такой необычайной степени, что нѣтъ возможности справиться съ ними безъ широкаго раздѣленія труда, безъ профессіональнаго образованія, стоящаго на высокомъ уровнѣ. Между тѣмъ, капиталистическій способъ производства отнимаетъ у господствующихъ классовъ тотъ досугъ, какимъ они располагали прежде. Хотя они и не производятъ, а живутъ эксплуатаціей производящихъ классовъ, однако ихъ нельзя назвать праздными эксплуататорами. Благодаря конкуренціи, этой движущей силѣ современной экономической жизни, эксплуататоры принуждены безостановочно вести между собою самую изнурительную борьбу, которая угрожаетъ всѣмъ побѣжденнымъ полнымъ истребленіемъ.

У капиталистовъ нѣтъ поэтому ни времени, ни покоя, ни подготовки къ художественной и научной дѣятельности; они лишены даже возможности принимать постоянное участіе въ управленіи государствомъ. Какъ занятіе искусствомъ и наукою, такъ и управленіе государствомъ перестаетъ теперь быть дѣломъ господствующихъ классовъ,—оно передается капиталистами наемнымъ работникамъ, бюрократамъ. Классъ капиталистовъ господствуетъ надъ правительствомъ. Точно также довольствовалось этимъ до него падающее феодальное дворянство, превращавшееся въ дворянство придворное. Но то, что у феодальнаго дворянства было результатомъ его упадка, отказа отъ его общественныхъ функцій, то у класса капиталистовъ вытекаетъ какъ разъ изъ его соціальныхъ задачъ, составляетъ одно изъ существенныхъ его свойствъ.

При помощи такой могущественной государственной власти данный общественный классъ можетъ держаться еще долгое время, послѣ того, какъ онъ сдѣлается уже ненужнымъ и даже вреднымъ. И чѣмъ могущественнѣе государственная власть, тѣмъ нахальнѣе будетъ опираться на нее господствующій классъ, тѣмъ упорнѣе будетъ онъ от-

стаивать свои привилегіи, тѣмъ менѣе будетъ онъ расположенъ итти на уступки. Но чѣмъ дальше поддерживается такимъ путемъ его господство, тѣмъ сильнѣе должны обостряться классовыя противоположности, тѣмъ болѣе рѣзкія формы долженъ принять политическій крахъ, когда онъ, въ концѣ концовъ, все-таки наступитъ, тѣмъ радикальнѣе должны быть соціальныя преобразованія, которыя явятся результатомъ этого краха, тѣмъ скорѣе завоеваніе политической власти угнетеннымъ классомъ должно превратиться въ соціальную революцію.

Но въ то же самое время и борющіеся классы все болѣе и болѣе начинаютъ понимать общественныя послѣдствія политической борьбы, которую они ведутъ. При капиталистическомъ способѣ производства темпъ экономическаго развитія ускорился до необычайной степени. Экономическій переворотъ, начатый вѣкомъ открытій, былъ продолженъ введеніемъ машины въ промышленности. Съ той поры наши экономическія отношенія подвержены безостановочнымъ измѣненіямъ не только въ смыслѣ быстраго уничтоженія стараго, но и въ смыслѣ быстраго созданія новаго. Понятіе стараго, унаслѣдованнаго отъ прошлаго, перестаетъ быть однозначущимъ съ понятіемъ испытаннаго, заслуживающаго почтенія, неприкосновеннаго. Оно становится однозначащимъ съ понятіемъ несовершеннаго и недостаточнаго, устарѣлаго. Изъ экономической жизни воззрѣніе это переносится въ искусство и науку, въ политику. Если прежде любили держаться за старое безъ провѣрки, то теперь любятъ отвергать старое безъ провѣрки, только потому, что оно старое,—и періодъ времени, достаточный для того, чтобы сдѣлать машину, учрежденіе, теорію, направленіе въ искусствѣ старыми, а слѣдовательно, и устарѣвшими, становится все короче и короче. Если прежде трудились съ сознаніемъ, что созидаютъ нѣчто на вѣчныя времена, трудились со всей преданностью дѣлу, которая внушается подобнымъ сознаніемъ, то теперь трудятся ради мимолетнаго эффекта минуты, со всѣмъ легкомысліемъ, внушаемымъ этимъ сознаніемъ. И поэтому нынѣшніе продукты очень часто оказываются черезъ самое непродолжительное время негодными, устарѣлыми не только съ точки зрѣнія моды, но и на самомъ дѣлѣ.

Но все новое всегда раньше другого привлекаетъ вниманіе и подвергается особенно тщательному изслѣдованію. Обычное и обыденное считается понятнымъ, не требующимъ объясненій. О причинахъ солнечныхъ затменій люди начали размышлять, навѣрное, гораздо раньше, чѣмъ о причинѣ восхода и заката солнца. Такимъ образомъ, и стремленіе изслѣдовать законы общественныхъ явленій должно было быть очень слабымъ, пока эти явленія были чѣмъ-то старымъ, обычнымъ, понятнымъ, „естественнымъ“. Напротивъ, это стремленіе должно было сейчасъ же усилиться, какъ только стали обнаруживаться новыя, невиданныя явленія въ общественной жизни. Но старое прадѣдовское феодальное хозяйство, а возникающее рядомъ

съ нимъ новое капиталистическое впервые побудило въ XVII вѣкѣ обратиться къ научнымъ наблюденіямъ надъ экономическими явленіями.

Еще болѣе способствовало развитію экономической науки другое обстоятельство. Дѣло въ томъ, что капиталистическое производство есть производство массовое; типъ современнаго капиталистическаго государства есть крупное государство. Современная политическая экономія, какъ и современная политика, имѣетъ дѣло съ *массовыми явленіями*. А чѣмъ больше количество однородныхъ явленій, которыя мы наблюдаемъ, тѣмъ сильнѣе выступаетъ въ нихъ,—какъ уже сказано выше,—общее, закономѣрное, тѣмъ больше отодвигается назадъ индивидуальное и случайное, тѣмъ легче становится открыть законы ихъ движеній. Методическое массовое наблюденіе общественныхъ явленій,—статистика и наука объ обществѣ, исходнымъ пунктомъ которой служитъ политическая экономія, а завершеніемъ—матеріалистическое пониманіе исторіи, сдѣлались впервые возможными лишь при капиталистическомъ способѣ производства. Только теперь могутъ общественные классы достигать полнаго самосознанія по отношенію къ соціальному содержанію ихъ борьбы, только теперь получили они возможность ставить себѣ великія общественныя цѣли, являющіяся не произвольными мечтаніями и благочестивыми пожеланіями, которыя разбиваются о суровую дѣйствительность, а результатомъ научнаго пониманія, экономически возможнаго и необходимаго. Правда, можетъ заблуждаться и это научное познаніе, нѣкоторые изъ его выводовъ могутъ оказаться иллюзіями. Но, какъ бы ни были велики подчасъ эти ошибки, онѣ не могутъ все-таки изгладить отличительный признакъ всякой истинной науки, именно — стремленіе къ соединенію всей совокупности явленій въ одно стройное, свободное отъ противорѣчій, цѣлое,—то-есть, по отношенію къ соціальной наукѣ, стремленіе понять все общество какъ единый цѣлостный организмъ, въ которомъ нельзя произвольно измѣнять отдѣльныя части безъ связи со всѣми остальными. Отнынѣ теоретическая критика со стороны угнетенныхъ общественныхъ классовъ все болѣе и болѣе направляется не только противъ отдѣльныхъ лицъ и учрежденій, *а противъ существующаго общества въ цѣломъ;* и этотъ взглядъ на вещи вызываетъ во всякомъ угнетенномъ классѣ, завоевывающемъ политическую власть, стремленіе подвергнуть коренной перестройкѣ всѣ основы общественнаго зданія.

Капиталистическое общество, вышедшее изъ нѣдръ революціи 1789 года и дальнѣйшихъ, связанныхъ съ нею событій, было въ основныхъ своихъ чертахъ уже заранѣе теоретически конструировано французскими физіократами и ихъ англійскими послѣдователями.

Этими отличіями современнаго государства и современнаго общества отъ античныхъ и средневѣковыхъ государствъ и обществъ опредѣляется различіе въ формахъ ихъ развитія: тамъ развитіе со-

вершается большей частью помимо сознанія людей, совершается раздробленно среди всѣхъ этихъ безпрерывныхъ мѣстныхъ и личныхъ раздоровъ, войнъ и возмущеній безчисленнаго множества мелкихъ общинъ, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ развитія; здѣсь—развитіе совершается все болѣе и болѣе сознательно, направляясь къ ясно понимаемой великой общественной цѣли, которая опредѣляется научно-критической работой и распространяется пропагандой. Политическія революціи становятся рѣже, но зато захватываютъ болѣе широкія области, приводятъ къ болѣе грандіознымъ соціальнымъ результатамъ.

Переходъ отъ античныхъ и средневѣковыхъ гражданскихъ войнъ къ современной революціи, къ соціальной революціи въ вышепоясненномъ смыслѣ составляетъ реформація, являющаяся наполовину еще средневѣковою, наполовину уже современною. Нѣсколько выше стоитъ англійская революція середины XVII вѣка. Наконецъ, великая французская революція представляетъ собою классическій типъ соціальной революціи; возстанія 1830 и 1848 гг. являются лишь слабыми отголосками ея.

Соціальная революція, въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этому слову, есть исключительно свойственная капиталистическому обществу и капиталистическому государству стадія ихъ соціальнаго развитія. Эта стадія не могла имѣть мѣста въ докапиталистическую эпоху, такъ какъ до возникновенія капитализма политическія рамки были слишкомъ узки для этого, общественное сознаніе было слишкомъ неразвито. Она исчезнетъ вмѣстѣ съ капитализмомъ, такъ какъ этотъ послѣдній можетъ быть сметенъ только пролетаріатомъ, который, въ качествѣ самаго низшаго изъ всѣхъ классовъ, по необходимости долженъ воспользоваться своимъ господствомъ для того, чтобы уничтожить всякое классовое господство и вообще дѣленіе общества на классы и тѣмъ самымъ устранить самое условіе возможности всякой соціальной революціи.

Но тутъ выдвигается въ высшей степени важный вопросъ,— вопросъ, который волнуетъ насъ нынѣ сильнѣйшимъ образомъ, такъ какъ отъ того или иного его разрѣшенія всего болѣе зависитъ направленіе нашей практической дѣятельности въ настоящее время. Миновало уже время соціальныхъ революцій или же нѣтъ? Есть ли теперь налицо такія политическія условія, чтобы переходъ отъ капитализма къ соціализму могъ совершиться безъ политической революціи, безъ завоеванія политической власти пролетаріатомъ или же намъ надо еще ждать эпохи рѣшительной борьбы за обладаніе государственной властью, то есть эпохи революціи? Принадлежитъ ли идея соціальной революціи къ числу тѣхъ устарѣлыхъ идей, за которыя стоятъ только слѣпые поклонники отжившихъ воззрѣній да демагоги, спекулирующіе на одобреніе со стороны невѣжественныхъ массъ, но которыя должны быть отвергнуты всякимъ честнымъ и неотсталымъ

человѣкомъ, безпристрастно наблюдающимъ факты современной общественной жизни?

Вотъ вопросъ. Вопросъ безъ сомнѣнія очень серьезный, отъ котораго нельзя отдѣлаться двумя-тремя фразами.

Мы нашли, что соціальная революція есть продуктъ особенныхъ историческихъ условій. Она предполагаетъ не только наличность сильно обострившихся классовыхъ противоположностей, но и наличность крупнаго національнаго государства, которое уничтожаетъ всѣ провинціальныя и коммунальныя особенныя права, которое зиждется на фундаментѣ капиталистическаго способа производства, разрушающаго равнымъ образомъ всякій партикуляризмъ; она предполагаетъ, далѣе, опирающуюся на бюрократію и милитаризмъ государственную власть, научную политическую экономію и быстрый темпъ экономическаго развитія.

Ни одинъ изъ этихъ факторовъ соціальной революціи не ослабѣлъ за послѣднія десятилѣтія,—каждый изъ нихъ, напротивъ, усилился. Никогда еще темпъ экономическаго развитія не отличался такой быстротою, какъ въ наше время. Научная политическая экономія прогрессируетъ по крайней мѣрѣ вширь, если не вглубь,—благодаря развитію газетнаго дѣла. Никогда еще экономическія знанія не распространялись такъ широко въ населеніи, какъ теперь, никогда еще господствующіе классы и народныя массы не имѣли такой легкой возможности уяснять себѣ болѣе отдаленныя послѣдствія своихъ стремленій и своей дѣятельности. Уже и это одно показываетъ, что грандіозный переходъ отъ капитализма къ соціализму мы не можемъ совершить незамѣтнымъ образомъ, что мы не можемъ медленно, помаленьку свести на-нѣтъ господство эксплуатирующихъ классовъ, свести на-нѣтъ такъ, чтобы они сами этого не замѣтили, чтобы они не стали обороняться, не пустили въ ходъ всѣ находящіяся въ ихъ распоряженіи средства и силы съ цѣлью сломить растущую силу и вліяніе пролетаріата.

Но если пониманіе общественныхъ явленій и связи между ними никогда еще не было такъ широко распространено, какъ въ настоящее время, то вѣдь съ другой стороны, и государственная власть никогда еще не была такъ сильна, какъ теперь; ея военныя, бюрократическія и экономическія средства никогда еще не достигали такого высокаго развитія. Отсюда слѣдуетъ, что пролетаріатъ, завоевывая государственную власть, пріобрѣтаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ силу, которая дастъ ему возможность немедленно приступить къ самой радикальной перестройкѣ общественнаго зданія; но отсюда слѣдуетъ также и то, что господствующіе нынѣ классы съ помощью этой власти могутъ отстаивать себя и обезпечивать за собою возможность грабить трудящіяся народныя массы еще долгое время послѣ того, какъ исчезла уже экономическая необходимость ихъ существованія. Чѣмъ больше, однакожъ, господствующіе классы опираются на государственную

власть и злоупотребляютъ ею въ видахъ эксплуатаціи и угнетенія, тѣмъ больше должно возрастать въ пролетаріатѣ ожесточеніе противъ нихъ, тѣмъ сильнѣе должна становиться классовая ненависть, и тѣмъ могучѣе должно быть стремленіе завоевать государственную машину.

Намъ возражали, что подобный взглядъ на положеніе дѣлъ не считается съ новѣйшими явленіями общественной жизни, которыя ясно будто бы показываютъ, что ходъ развитія направляется въ другую сторону. Противоположность между пролетаріатомъ и буржуазіей, говорятъ, не увеличивается, а напротивъ, уменьшается, и во всякомъ современномъ государствѣ существуетъ достаточно демократическихъ учрежденій, которыя даютъ пролетаріату возможность пріобрѣсти если не всю власть, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую власть и увеличивать ее мало по-малу, постепенно, по частямъ, такъ что исчезаетъ всякая необходимость соціальной революціи.

Посмотримъ же, насколько основательны эти возраженія.

5. Смягченіе классовыхъ противоположностей.

Разсмотримъ сначала первое возраженіе, гласящее, что соціальная противоположность между буржуазіей и пролетаріатомъ все болѣе и болѣе сглаживается.

Я не буду здѣсь касаться вопроса о промышленныхъ кризисахъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ утверждали, будто промышленные кризисы ослабѣваютъ. Но съ тѣхъ поръ мнѣніе это было такъ внушительно опровергнуто фактами, извѣстными всѣмъ и каждому, что я не вижу надобности заниматься теперь еще разъ его разборомъ; да это и отвлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону. Не стану я также возобновлять дебатовъ и о такъ называемой „теоріи обнищанія“, уже набившихъ всѣмъ оскомину,—дебатовъ, которые при нѣкоторой ловкости можно, если угодно, затягивать безъ конца, занимаясь не столько констатированіемъ опредѣленныхъ фактовъ, сколько различными толкованіями слова „нищета“. Мы, соціалисты, всѣ сходимся въ томъ, что капиталистическій способъ производства, тамъ, гдѣ онъ предоставленъ самому себѣ, ведетъ къ увеличенію физической нищеты; но точно такъ же согласны мы и въ томъ, что организація рабочаго класса и вмѣшательство государственной власти могутъ уже и въ современномъ обществѣ поставить предѣлы этой нищетѣ; согласны мы, наконецъ, и въ томъ, что эмансипаціи рабочаго класса надо ожидать не отъ роста его приниженія, а отъ роста его силы.

Но совсѣмъ другое дѣло вопросъ объ увеличеніи противоположности между буржуазіей и пролетаріатомъ. Это прежде всего вопросъ о ростѣ эксплуатаціи.

Что эксплуатація увеличивается, это доказалъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Марксъ и, сколько мнѣ извѣстно, никто

еще не опровергъ его. Кто оспариваетъ фактъ роста эксплуатаціи, тому нужно доказать прежде всего, что „Капиталъ“ Маркса опровергнутъ.

Тутъ мнѣ возразятъ, конечно, что это только „сѣрая теорія“; истиннымъ же и доказаннымъ можно-де считать только то, что подтверждается осязательными фактами; давайте намъ не экономическіе законы, а статистическія цифры. Добыть такого рода данныя не такъ-то легко, ибо никому еще не приходило въ голову собрать статистическія свѣдѣнія не только о суммахъ рабочихъ платъ, но и о суммахъ прибылей,—по той простой причинѣ, что несгораемый шкафъ съ кассой капиталиста является крѣпостью, которую даже самый трусливый и кроткій буржуа защищаетъ, какъ левъ, отъ всякаго поползновенія начальства ознакомиться съ его содержимымъ.

Существуютъ, впрочемъ, попытки статистически выразить относительный ростъ рабочихъ платъ и остальныхъ доходовъ. Приведемъ здѣсь одинъ изъ такихъ подсчетовъ, самый послѣдній, какой мы знаемъ. Онъ былъ сдѣланъ А. Л. Боули (Bowley), который въ мартѣ 1895 года читалъ въ Лондонѣ на эту тему докладъ въ статистическомъ обществѣ (докладъ этотъ напечатанъ въ журналѣ названнаго общества, за іюнь 1895 г., стр. 224—285). Мы беремъ изъ него слѣдующую таблицу:

Годъ.	Общая сумма годового дохода, состоящаго изъ заработн. платы.		Доходъ, состоящій не изъ заработной платы.			
			Подлежащій подоход. налогу.		Не подлежащій подоход. налогу.	
	Въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ.	Въ процентахъ ко всему народному доходу.	Въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ.	Въ процентахъ ко всему народному доходу.	Въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ.	Въ процентахъ ко всему народному доходу.
1860	392	47	376	45 1/3	64	7 3/4
1866	464	45	485	47	81	8
1870	486	44 1/2	521	48	85	7 1/2
1874	609	45 1/4	635	47 1/4	100	7 1/2
1877	591	43	652	47 1/2	130	9 1/3
1880	567	42	652	48 1/2	126	9 1/2
1883	609	42 2/3	696	49	122	8 1/3
1886	605	42	715	49 1/2	125	8 1/2
1891	699	43 1/2	782	48 1/2	130	8

Противъ этого подсчета можно сдѣлать много возраженій. Онъ кажется мнѣ слишкомъ оптимистическимъ: онъ даетъ преувеличенное представленіе о возрастаніи суммы заработныхъ платъ.

При вычисленіи суммы заработныхъ платъ авторъ не принялъ во вниманіе безработицу; вдобавокъ, цѣлый рядъ важныхъ моментовъ онъ предполагалъ неизмѣнившимися въ тѣхъ случаяхъ, когда не могъ съ точностью установить измѣненій. Въ качествѣ статистика онъ имѣлъ, разумѣется, право такъ поступать, но вышеупомянутые моменты какъ разъ принадлежатъ къ числу такихъ, которые всегда измѣняются болѣе и болѣе не въ пользу рабочаго класса: таково, напримѣръ, отношеніе между женскимъ и мужскимъ трудомъ, между трудомъ квалифицированнымъ (skilled) и неквалифицированнымъ.

Но самое главное заключается въ томъ, что при составленіи этой таблицы приняты въ расчетъ лишь немногія отрасли труда, а именно такія, гдѣ,—за исключеніемъ сельскаго хозяйства, — рабочіе превосходно организованы въ профессіональные союзы, и что авторъ просто-напросто предполагаетъ, будто общее положеніе всего рабочаго класса улучшилось въ среднемъ выводѣ совершенно такъ же, какъ и положеніе организованныхъ въ профессіональные союзы рабочихъ, составляющихъ даже въ Англіи никакъ не больше одной пятой части общаго числа рабочихъ. Небезынтересно разсмотрѣть колебанія заработныхъ платъ каждой изъ этихъ категорій рабочихъ. По сравненію съ заработной платой 1860 года (которая предполагается равной 100) высота заработ. платы равнялась:

Отрасли труда.	1860	1866	1870	1874	1877	1880	1883	1886	1891
Сельск. хозяйство. . . .	100	105	107	130	132	122	117	111	118
Строительн пр.	100	116	116	126	128	125	125	126	128
Хлопчатоб. пром.	100	125	125	148	148	134	146	155	176
Шерстяная пром.	100	106	112	121	130	126	120	115	115
Желѣзодѣл. пром. . . .	100	127	127	143	112	112	110	100	124
Машиностроеніе.	100	108	110	124	123	120	127	126	126
Газопроводчики.	100	115	120	125	128	128	130	130	146
Матросы	100	113	103	129	123	102	118	110	143
Горнорабочіе	100	?	100	150	115	100	115	100	150
Въ среднемъ	100	113	113	138	132	124	130	125	140

Какъ видитъ читатель, то возвышеніе заработныхъ платъ на 40 процентовъ, съ 1860 по 1891 г., которое Боули принимаетъ для всего рабочаго класса Англіи, не охватываетъ даже всѣхъ слоевъ рабочей аристократіи. За исключеніемъ рабочихъ хлопчатобумажной промышленности, которые не даромъ настроены въ Англіи консервативно и являются образцовыми „пай-мальчиками“ въ глазахъ всѣхъ

мечтателей о „соціальномъ мирѣ“,—въ 1891 году заработная плата стояла выше средняго уровня только у газопроводчиковъ, матросовъ и горнорабочихъ. Газопроводчики, вѣроятно, обязаны такимъ возвышеніемъ заработной платы отчасти той политикѣ, которая привела въ большихъ городахъ къ нѣкоторому улучшенію участи рабочихъ, занятыхъ въ городскихъ учрежденіяхъ; на газопроводчикахъ вліяніе конкуренціи и эксплуатація со стороны частнаго капитала отзывается всего менѣе. Повышенію заработныхъ платъ въ 1891 году способствовало отчасти и внезапное выступленіе на сцену „новаго тредъ-юніонизма“, который возбуждалъ вначалѣ такія блестящія надежды и который такъ скоро сошелъ на-нѣтъ. Еще болѣе внезапнымъ и рѣзкимъ, чѣмъ у газопроводчиковъ, почти случайнымъ, представляется повышеніе въ 1891 году заработныхъ платъ у матросовъ и горнорабочихъ. У горнорабочихъ заработныя платы стояли въ 1886 году на томъ же уровнѣ, какъ и въ 1860 г., а въ 1891 г. онѣ вдругъ поднялись на цѣлыхъ 50 процентовъ! Прочнымъ пріобрѣтеніемъ это отнюдь нельзя назвать. У строительныхъ же рабочихъ, въ хлопчатобумажной и желѣзной промышленности увеличеніе заработныхъ платъ съ 1860 по 1891 г. далеко не достигаетъ средняго уровня. Такимъ образомъ, Боули заставляетъ насъ предположить, что заработныя платы всей неорганизованной рабочей массы Англіи поднялись съ 1860 по 1891 г. на 40 процентовъ, между тѣмъ какъ заработныя платы превосходно организованныхъ рабочихъ желѣзной промышленности увеличились за этотъ періодъ всего лишь на 25 процентовъ.

Но возьмемъ эту таблицу, какъ она есть. Что показываетъ она намъ? Даже и эта крайне оптимистическая таблица свидѣтельствуетъ о томъ, что заработная плата составляетъ все меньшую и меньшую долю національнаго дохода. Съ 1860 до 1874 г. она составляла 45 процентовъ его, а съ 1877 до 1891 г.—только $42^2/_3$ процента. Положимъ, за неимѣніемъ болѣе точныхъ данныхъ, что сумма подлежащихъ подоходному налогу, состоящихъ не изъ рабочей платы, доходовъ равна массѣ прибавочной стоимости; въ такомъ случаѣ масса прибавочной стоимости была въ 1860 году еще на 320 милл. марокъ меньше суммы заработныхъ платъ; напротивъ, въ 1891 году масса прибавочной стоимости уже сильно превышала сумму заработныхъ платъ,—не менѣе какъ на 1600 милл. марокъ.

Это указываетъ во всякомъ случаѣ на очень значительное увеличеніе эксплуатаціи. Судя по этимъ даннымъ, норма прибавочной стоимости, т. е. степень эксплуатаціи рабочаго, поднялась за означенный промежутокъ времени съ 96 до 112 процентовъ, ибо по цифрамъ Боули, по крайней мѣрѣ, на столько возросла эксплуатація даже рабочихъ, организованныхъ въ тредъ-юніоны. Эксплуатація массы неорганизованныхъ рабочихъ должна была увеличиться въ гораздо большей степеня.

Мы не придаемъ слишкомъ большого значенія этимъ цифрамъ.

Но поскольку онѣ доказываютъ что-нибудь, онѣ свидѣтельствуютъ лишь въ пользу, а отнюдь не противъ ученія о ростѣ эксплуатаціи рабочей силы, которое Марксъ обосновалъ иначе, путемъ изслѣдованія законовъ движенія капиталистическаго способа производства,— обосновалъ настолько прочно, что ученіе это до сихъ поръ остается неопровергнутымъ. Намъ, конечно, возразятъ на это: „Допустимъ, что эксплуатація усиливается. Но вѣдь и заработная плата тоже возрастаетъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ прибавочная стоимость. Какимъ же образомъ можетъ рабочій чувствовать увеличеніе эксплуатаціи, когда оно не выступаетъ открыто, а можетъ быть обнаружено лишь при помощи продолжительныхъ научныхъ изысканій? Вѣдь рабочія массы ни статистикой не занимаются, ни о теоріяхъ стоимости и прибавочной стоимости не думаютъ!“

Это, пожалуй, и такъ. Но тѣмъ не менѣе есть одинъ путь, которымъ ростъ эксплуатаціи даетъ себя чувствовать рабочимъ. Въ той же мѣрѣ, въ какой увеличивается масса прибыли, поднимается и жизненный уровень буржуазіи. А общественные классы не отдѣлены другъ отъ друга китайской стѣной. Поднятіе жизненнаго уровня высшихъ классовъ проникаетъ мало-по-малу и къ низшимъ классамъ, пробуждаетъ и у нихъ новые потребности и запросы, для удовлетворенія которыхъ недостаточно заработной платы, которая возрастаетъ медленнѣе, чѣмъ прибыль. Буржуазія кричитъ „караулъ“, жалуясь на исчезновеніе простоты, безпритязательности у низшихъ классовъ, на увеличеніе ихъ требовательности; но она забываетъ, что повышеніе требованій внизу является лишь отраженіемъ поднятія жизненнаго уровня наверху, что требовательность низшихъ слоевъ общества разжигается не чѣмъ инымъ, какъ примѣромъ высшихъ.

Что жизненный уровень буржуазіи повышается быстрѣе, чѣмъ жизненный уровень пролетаріата, это мы видимъ на каждомъ шагу. Жилища рабочихъ за послѣднія 50 лѣтъ улучшились не очень значительно; напротивъ, жилище буржуа нашего времени представляется роскошнымъ по сравненію съ среднимъ буржуазнымъ жилищемъ 50 лѣтъ назадъ. Вагонъ III-го класса начала XX го вѣка по своей обстановкѣ отличается немногимъ отъ вагона III-го класса середины XIX-го вѣка. Но сравните первоклассный вагонъ середины XIX-го вѣка съ вагономъ новѣйшаго Luxuszug'a!*) Я не думаю, чтобы помѣщеніе для матросовъ на морскихъ судахъ было теперь много лучше, нежели 50 лѣтъ назадъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что роскошь, какою блистаетъ салонъ новѣйшаго пассажирскаго па-

*) Luxuszug, — „роскошный поѣздъ“, такъ называютъ въ Германіи особенно быстрые поѣзда, имѣющіе вагоны только перваго класса, вагоны-рестораны и проч. Въ Россіи имъ соотвѣтствуютъ отчасти курьерскіе поѣзда.

Прим. переводчика.

рохода, представляла бы собою нѣчто неслыханное 50 лѣтъ тому назадъ, даже на любой княжеской яхтѣ.

Такъ обстоитъ дѣло относительно роста *эксплуатаціи* пролетаріата. Но, спрашивается, не уравновѣшивается ли дѣйствіе этого экономическаго фактора увеличеніемъ политическаго сближенія классовъ? Развѣ рабочій не признается все болѣе и болѣе буржуазіей за равнаго ей въ политическомъ и соціальномъ отношеніи?

Не подлежитъ сомнѣнію, что политическое и соціальное значеніе пролетаріата быстро возрастаетъ.

Если въ экономическомъ отношеніи онъ поднимается не такъ быстро, какъ буржуазія,—вслѣдствіе чего неизбѣжно развивается въ немъ требовательность и недовольство, — то съ другой стороны, самымъ, быть-можетъ, поразительнымъ явленіемъ за послѣднія 50 лѣтъ служитъ быстрый и безпрерывный *подъемъ пролетаріата въ нравственномъ и умственномъ отношеніи.*

Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ пролетаріатъ стоялъ такъ низко, что и попадались даже среди соціалистовъ люди, которые ожидали отъ побѣды пролетаріата надъ буржуазіей самыхъ пагубныхъ послѣдствій для культуры. Такъ, Родбертусъ писалъ послѣ 1850 года: „Намъ угрожаетъ страшнѣйшая опасность, что центры цивилизаціи и богатства будутъ разрушены новымъ *нашествіемъ варваровъ* (Barbarensturm), идущимъ, на этотъ разъ, изъ нѣдръ самого общества.

Около того же времени Генрихъ Гейне заявлялъ, что коммунистамъ принадлежитъ будущее. „Это признаніе, что будущее принадлежитъ коммунистамъ,—пишетъ онъ,—дѣлалъ я съ чувствомъ тревоги и величайшаго страха, и, увы, это была совсѣмъ не маска! Въ самомъ дѣлѣ, не иначе, какъ съ ужасомъ и содроганіемъ думаю я о той эпохѣ, когда эти страшные иконоборцы сдѣлаются господами положенія; своими мозолистыми руками разобьютъ они вдребезги всѣ мраморныя статуи красоты“ и т. д.

Какъ извѣстно, въ дѣйствительности вышло совсѣмъ не то. Не со стороны пролетаріата угрожаетъ теперь опасность современной цивилизаціи; напротивъ, коммунисты являются теперь самымъ надежнымъ оплотомъ искусства и науки, въ защиту которыхъ они уже не разъ выступали самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Быстро начинаетъ поэтому исчезать и страхъ передъ коммунизмомъ, охватывавшій весь буржуазный міръ еще послѣ парижской коммуны,—страхъ, внушаемый мыслью, что одержавшій побѣду надъ буржуазіей пролетаріатъ станетъ хозяйничать въ царствѣ ея культуры наподобіе вандаловъ эпохи переселенія народовъ и на грудахъ развалинъ оснуетъ царство варварскаго аскетизма.

Отчасти именно исчезновеніемъ этого страха объясняется и тотъ фактъ, что въ средѣ *буржуазной интеллигенціи* замѣтно усиливаются симпатіи къ пролетаріату и къ соціализму.

Подобно пролетаріату, интеллигенція, какъ классъ, также составляетъ исключительную особенность капиталистическаго способа производства. Какъ я указывалъ уже выше, господствующіе классы при этомъ способѣ производства бываютъ до такой степени поглощены своими „дѣлами“, что у нихъ не остается ни досуга, ни интереса заниматься дѣлами государственнаго управленія или посвящать себя занятію искусствами и науками, какъ это дѣлала, напримѣръ, аристократія въ Аѳинахъ или духовенство въ лучшія эпохи католической церкви. Всю высшую духовную дѣятельность, составлявшую нѣкогда привилегію господствующихъ классовъ, предоставляютъ они теперь работникамъ, состоящимъ на жалованіи, и число этихъ профессіональныхъ ученыхъ, художниковъ, инженеровъ, чиновниковъ и пр. быстро возрастаетъ въ капиталистическомъ обществѣ.

Они образуютъ въ своей совокупности классъ такъ называемой „интеллигенціи“,—новое „среднее сословіе“; но отъ стараго средняго сословія они отличаются главнымъ образомъ отсутствіемъ особеннаго классоваго самосознанія. Отдѣльные слои интеллигенціи обладаютъ особеннымъ сословнымъ самосознаніемъ. Очень часто они бываютъ проникнуты особенной сословной спесью; но интересы каждаго изъ этихъ слоевъ слишкомъ своеобразны, чтобы породить у нихъ всѣхъ общее классовое сознаніе. Интеллигентные работники примыкаютъ къ самымъ различнымъ классамъ и партіямъ; интеллигенція поставляетъ духовныхъ борцовъ для всякихъ классовъ и партій. Одни отстаиваютъ интересы господствующихъ классовъ, слугами которыхъ многіе изъ интеллигентовъ являются по своей профессіи. Другіе выступаютъ борцами за дѣло пролетаріата, признавая его своимъ собственнымъ дѣломъ. Большинство же осталось до сихъ поръ въ рамкахъ мелкобуржуазнаго идейнаго горизонта; объясняется это не только тѣмъ, что большинство интеллигентовъ выходило изъ среды мелкой буржуазіи, но и тѣмъ, что соціальное положеніе ихъ, какъ „средняго сословія“, представляло собою сходное съ мелкобуржуазнымъ промежуточное положеніе между пролетаріатомъ и господствующими классами.

Вотъ эти-то слои интеллигенціи и проникаются теперь все болѣе и болѣе,—какъ я упомянулъ выше,—симпатіями къ пролетаріату и соціализму. Не имѣя никакихъ опредѣленныхъ классовыхъ интересовъ и будучи по своей профессіи всего болѣе способными воспринимать теоретическія воззрѣнія, они всего скорѣе могутъ склониться на сторону опредѣленныхъ партій подъ вліяніемъ научныхъ соображеній. Для нихъ должны были сдѣлаться ясными теоретическое банкротство буржуазной экономіи и теоретическое превосходство надъ нею соціализма. При этомъ они все болѣе и болѣе начинаютъ чувствовать, что другіе общественные классы стремятся все болѣе и болѣе принижать искусство и науку. Нѣкоторыхъ, наконецъ, увлекаетъ неудержимый ростъ и усиленіе соціалъ-демократизма, особенно

когда они сравниваютъ съ этимъ неудержимое паденіе либерализма. И вотъ, „рабочелюбіе“ и соціализмъ пріобрѣтаютъ популярность въ средѣ интеллигенціи; едва ли найдется теперь салонъ, гдѣ бы вы не наткнулись на одного или нѣсколькихъ „соціалистовъ“.

Если бы эти круги интеллигенціи *совпадали* съ буржуазіей, тогда, конечно, наше дѣло было бы выиграно, и никакой необходимости въ соціальной революціи не было бы. Съ этими слоями общества можно было бы, пожалуй, уладить отношенія довольно мирнымъ путемъ; медленному, потихоньку подвигающемуся впередъ развитію нечего опасать я насильственныхъ преградъ съ ихъ стороны.

Но, къ сожалѣнію, рабочелюбивая интеллигенція составляетъ лишь одну часть буржуазіи, и притомъ ту часть, которая, только *пишетъ и говоритъ* отъ имени буржуазіи, а вовсе не ту, которою направляется ея *дѣятельность*. А вѣдь о людяхъ,—а стало быть и о томъ или другомъ общественномъ классѣ,—нужно судить, какъ извѣстно, не по ихъ словамъ, а по ихъ дѣламъ.

Вдобавокъ, интеллигенція, выказывающая теперь симпатіи къ пролетаріату и соціализму, является какъ разъ такою частью буржуазіи, которая всего менѣе способна къ борьбѣ и всего менѣе хочетъ борьбы.

Въ прежнее время, когда соціализмъ клеймился въ массѣ даже интеллигентныхъ людей какъ преступленіе или какъ сумасбродство, буржуазные элементы могли примыкать къ соціалистическому движенію, только рѣшительно порвавши со всѣмъ буржуазнымъ міромъ. Тому, кто въ ту пору изъ буржуазныхъ круговъ пробивалъ себѣ дорогу къ соціализму, нужно было для этого несравненно больше энергіи, несравненно больше революціонной страстности и убѣжденія, нежели пролетарію. Поэтому въ соціалистическомъ движеніи той эпохи именно эти элементы принадлежали къ числу самыхъ радикальныхъ и революціонныхъ его дѣятелей.

Совсѣмъ не то мы видимъ теперь, когда соціализмъ получилъ доступъ въ салоны. Въ настоящее время не нужно никакой особенной энергіи, не требуется никакого разрыва съ буржуазнымъ обществомъ тому, кто хочетъ носить имя соціалиста. Немудрено, что все большее и большее число этихъ соціалистовъ новѣйшей формаціи не можетъ отдѣлаться отъ традиціонныхъ формъ мышленія и чувствованія, свойственныхъ ихъ классу.

Методы же борьбы, свойственные интеллигенціи, совсѣмъ другого рода, чѣмъ методы борьбы, свойственные пролетаріату. Богатству и силѣ оружія пролетаріатъ противопоставляетъ свою численность и сплоченность своихъ классовыхъ организацій. Интеллигенція ничтожна по своей численности и лишена всякой классовой организаціи. Единственный способъ борьбы ей доступный, — это убѣжденіе словомъ, устнымъ или печатнымъ, борьба при помощи „духовнаго оружія“,

„нравственное превосходство". Силою этихъ-то оружій хотѣли бы салонные соціалисты рѣшить и ту классовую борьбу, которую ведетъ пролетаріатъ. Они изъявляютъ полную готовность оказать пролетаріату моральную помощь, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ примѣненія силы не только тогда, когда оно не можетъ привести къ желанной цѣли, — въ такихъ случаяхъ и сами пролетаріи отказываются отъ примѣненія силы, — но даже и тогда, когда оно обѣщаетъ успѣхъ. Они стараются поэтому дискредитировать идею революціи, представить революцію средствомъ негоднымъ, нецѣлесообразнымъ. Они стараются отдѣлить отъ революціоннаго пролетаріата соціалъ-реформистское крыло, они клонятъ тѣмъ самымъ къ расколу и ослабленію пролетаріата.

Таковъ былъ до сихъ поръ единственный практическій результатъ начинающагося обращенія интеллигенціи къ соціализму.

Рядомъ съ новымъ „среднимъ сословіемъ" продолжаетъ еще влачить свое существованіе старое „среднее сословіе" — *мелкая буржуазія*. Это „среднее сословіе" служило нѣкогда главной опорой революцій; жаждущее борьбы и способное къ борьбѣ, оно, — когда обстоятельства складывались для него благопріятно, — легко возмущалось противъ всякаго порабощенія и противъ всякой эксплуатаціи сверху, противъ господства бюрократіи и милитаризма, противъ привилегій феодаловъ и поповъ. Оно составляло главную боевую дружину буржуазной демократіи. Какъ нынѣ часть новаго *„средняго сословія"*, такъ и старое *„среднее сословіе"* проникалось по временамъ большими симпатіями къ пролетаріату, дѣйствовало съ нимъ заодно, давало ему и само отъ него получало духовные импульсы и матеріальныя силы. Но, точно такъ же, какъ и новое „среднее сословіе", старое „среднее сословіе" оказывалось всегда ненадежнымъ союзникомъ, именно благодаря своему промежуточному положенію между эксплуатируемыми и эксплуатирующими классами. Какъ замѣтилъ уже Марксъ, мелкій буржуа не является ни вполнѣ пролетаріемъ, ни вполнѣ буржуа, и чувствуетъ себя, смотря по обстоятельствамъ, то послѣднимъ, то первымъ.

Эта двойственность положенія приводитъ къ раздѣленію мелкой буржуазіи на двѣ части: одни изъ ея слоевъ отожествляютъ себя съ пролетаріатомъ, другіе — съ противниками пролетаріата.

Мелкое хозяйство осуждено на гибель, его крушеніе совершается неудержимо. Но гибель мелкаго хозяйства обнаруживается лишь медленно въ уменьшеніи числа мелкихъ предпріятій, быстро же проявляется она въ ихъ упадкѣ. Одни изъ владѣльцевъ мелкихъ предпріятій попадаютъ въ полную зависимость отъ крупнаго капитала, становятся просто домашними рабочими (кустарями), т. е. наемными рабочими, которые работаютъ на предпринимателя не на фабрикѣ, а у себя на дому. Другіе, въ особенности мелочные торговцы и трактирщики, сохраняютъ самостоятельность, но находятъ себѣ покупа-

телей только среди рабочихъ, такъ что существованіе ихъ всецѣло зависитъ отъ благополучія и бѣдствія рабочаго населенія. Эти слои мелкой буржуазіи все болѣе и болѣе примыкаютъ къ борющемуся пролетаріату.

Совершенно иначе настроены тѣ слои мелкой буржуазіи, которые еще не попали въ полную зависимость отъ крупнаго капитала, но живутъ подъ вѣчнымъ страхомъ попасть въ эту зависимость или же совсѣмъ разориться, а равно и тѣ слои, которые ищутъ себѣ покупателей не среди пролетаріевъ. Они потеряли надежду поправить свои дѣла собственными силами, они всего ожидаютъ сверху, отъ высшихъ классовъ и отъ государственной власти. А такъ какъ всякій прогрессъ является для нихъ грозной опасностью, то они относятся враждебно ко всякому прогрессу, въ какой бы то области ни было. Низкопоклонство (сервилизмъ) и тяготѣніе къ реакціи дѣлаютъ ихъ добровольными пособниками и даже фанатическими защитниками монархіи, церкви и дворянства. Но при этомъ они остаются демократическими, такъ какъ только при демократическомъ строѣ могутъ они имѣть политическое вліяніе и такимъ путемъ получать поддержку со стороны государственной власти.

Отъ этого раскола мелкой буржуазіи надвое и зависитъ, главнымъ образомъ, упадокъ буржуазной демократіи. Одни слои мелкой буржуазіи примыкаютъ къ пролетарской соціаль-демократіи, другіе— къ реакціонной демократіи, которая сверкаетъ самыми различными красками, выступаетъ какъ антисемитизмъ, націонализмъ, христіанская демократія, какъ часть консервативной партіи и партіи центра,— но всегда сохраняетъ одно и то же соціальное содержаніе.

Реакціонная демократія заимствовала много доводовъ и аргументовъ у соціалъ-демократической теоріи, и потому на первыхъ порахъ нѣкоторые полагали, что она представляетъ собою лишь одну изъ формъ перехода отъ либерализма къ соціалъ-демократіи. Но въ настоящее время неосновательность такого мнѣнія очевидна для всякаго. У соціалъ-демократіи нѣтъ врага болѣе ожесточеннаго, чѣмъ реакціонная демократія. Если соціалъ-демократія должна отстаивать всякій культурный прогрессъ, приноситъ ли онъ непосредственную выгоду съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ пролетаріата или нѣтъ, то реакціонная демократія по самому своему существу вынуждена возставать противъ всякаго культурнаго прогресса, хотя бы онъ непосредственно и не заключалъ въ себѣ ничего опаснаго для мелкой буржуазіи. Если соціалъ-демократія является самой прогрессивной партіей, то реакціонная демократія представляетъ собою партію самую ретроградную, такъ какъ у нея къ ненависти другихъ реакціонныхъ партій противъ прогресса присоединяется еще безшабашность грубѣйшаго невѣжества во всемъ, что лежитъ за предѣлами самаго ограниченнаго кругозора. Къ этому нужно еще прибавить, что въ качествѣ эксплуататоровъ мелкіе буржуа влачатъ свое существованіе

только благодаря тому, что безчеловѣчно эксплуатируютъ самую слабую и наименѣе способную къ сопротивленію рабочую силу, — женщинъ и дѣтей. При этомъ они, конечно, сталкиваются, прежде всего, враждебно съ соціалъ-демократіей, которая старается посредствомъ организаціи рабочихъ и путемъ ограничительныхъ законовъ положить предѣлъ такому расхищенію человѣческихъ жизней.

Такимъ образомъ, мелкая буржуазія, поскольку она не пристаетъ къ соціалъ-демократіи, изъ союзника рабочихъ, изъ посредника между пролетаріатомъ и высшими классами, дѣлается злѣйшимъ врагомъ пролетаріата. Вмѣсто смягченія классовыхъ противоположностей мы видимъ здѣсь самое рѣзкое, какое только можно себѣ представить, обостреніе ихъ, и притомъ обостреніе, прогрессирующее очень быстро, ибо оно начало ясно обнаруживаться всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Сказанное относительно *мелкой буржуазіи* приложимо, съ незначительными измѣненіями, и къ *крестьянству*. Крестьянство также распадается на два лагеря:—на крестьянъ пролетарскаго типа (карликовое*) крестьянство) и на крестьянъ имущихъ (хозяйственныхъ). Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы ускорять этотъ процессъ разслоенія, просвѣщая пролетарскіе элементы крестьянства относительно ихъ интересовъ, совпадающихъ съ интересами пролетаріата и, такимъ образомъ, пріобщая ихъ къ соціалъ-демократическому движенію. Мы будемъ задерживать этотъ процессъ, если станемъ игнорировать его и обращаться ко всему сельскому населенію безъ различія классовъ. Реакціонная демократія въ деревнѣ столь же враждебна намъ по самому своему существу, какъ и реакціонная демократія въ городахъ, хотя она не всегда ясно сознаетъ эту противоположность. Тѣ изъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, которые полагали, что „крестьянскіе союзы“ (Bauernbünde) представляютъ собою лишь переходную стадію, ведущую крестьянина отъ старыхъ партій, въ особенности отъ партіи центра, къ соціалъ-демократіи, впадали совершенно въ такую же ошибку, какъ и тѣ, которые приписывали подобное значеніе антисемитизму въ городахъ. Средній и крупный крестьянинъ уже потому ненавидитъ соціалъ-демократію, что она борется за сокращеніе рабочаго времени и за повышеніе заработной платы наемнымъ рабочимъ, способствуя, такимъ образомъ, въ значительной степени бѣгству сельскихъ рабочихъ въ города, столь невыгодному для этихъ крестьянъ.

Соціальныя противоположности между классомъ имущихъ и пролетаріатомъ обостряются и въ деревнѣ.

Еще въ большей степени, чѣмъ къ противоположности между

---

*) Т.-е. владѣющее ничтожными клочками земли, „карликовыми хозяйствами“.

Прим. переводчика.

крестьяниномъ и наемнымъ рабочимъ, приложимо это къ противоположности между *крупнымъ землевладѣльцемъ и наемнымъ рабочимъ*.

Въ крупномъ селькомъ хозяйствѣ наемный рабочій играетъ гораздо болѣе важную роль, нежели въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Для крупнаго хозяйства и высокія цѣны на жизненные припасы имѣютъ несравненно большее значеніе, чѣмъ для крестьянина, который значительную часть своихъ продуктовъ потребляетъ самъ. Конечно, противоположность между производителемъ и потребителемъ жизненныхъ припасовъ представляетъ собою не противоположность между рабочимъ и его эксплуататоромъ, а противоположность между деревней и городомъ. Но въ городѣ пролетаріи являются теперь самымъ многочисленнымъ, самымъ способнымъ къ борьбѣ и наиболѣе готовымъ бороться классомъ населенія, а потому продавецъ жизненныхъ припасовъ и здѣсь наталкивается опять-таки на пролетарія, какъ самаго энергичнаго своего врага.

Неудивительно, что въ настоящее время крупный землевладѣлецъ смотритъ на промышленнаго рабочаго совсѣмъ не такими глазами, какъ прежде. Прежде онъ относился совершенно равнодушно къ борьбѣ между промышленными капиталистами и ихъ рабочими; нерѣдко онъ слѣдилъ за этой борьбой съ нескрываемымъ злорадствомъ по отношенію къ капиталисту, даже иной разъ съ симпатіей къ пролетаріямъ. Не пролетарій стоялъ тогда у него на дорогѣ, а капиталистъ, — капиталистъ, который требовалъ покровительственныхъ пошлинъ тамъ, гдѣ крупному землевладѣльцу нужна была свобода торговли, и наоборотъ; капиталистъ, который усматривалъ въ земельной рентѣ вычетъ изъ прибыли и старался вырвать изъ рукъ крупныхъ землевладѣльцевъ монополію на высшія мѣста въ арміи и бюрократіи.

Все это измѣнилось теперь; времена рабочелюбивыхъ тори и юнкеровъ — Дизраэли, Родбертусовъ, Фогельзанговъ — давнымъ-давно миновали. Подобно мелкой буржуазіи и среднему и крупному крестьянству, крупный землевладѣлецъ также все болѣе и болѣе проникается нынѣ враждой къ пролетаріату.

Ну, а *классъ капиталистовъ?* Это — самый могущественный, самый вліятельный классъ въ наше время. Не проникается ли, по крайней мѣрѣ, онъ все больше и больше рабочелюбіемъ, подобно интеллигенціи?

Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что и тутъ ничего подобнаго я не замѣчаю.

Конечно, измѣняется и классъ капиталистовъ,—не можетъ же онъ оставаться вѣчно однимъ и тѣмъ же. Но, спрашивается, каковы важнѣйшія изъ тѣхъ измѣненій, которыя онъ пережилъ за послѣднія десятилѣтія? Съ одной стороны, мы находимъ ослабленіе, а иногда даже и полное уничтоженіе конкуренціи между капиталистами одной

и той же отрасли промышленности въ одной и той же странѣ, благодаря распространенію предпринимательскихъ союзовъ, картелей и трестовъ; съ другой стороны, мы находимъ обостреніе международной конкуренціи, вызванное выступленіемъ на сцену новыхъ капиталистическихъ великихъ державъ, въ особенности Германіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

Предпринимательскіе союзы устраняютъ конкуренцію между предпринимателями не только по отношенію къ покупателямъ ихъ продуктовъ, но и по отношенію къ ихъ рабочимъ. Вмѣсто множества соперничающихъ между собою покупщиковъ ихъ рабочей силы, пролетаріямъ приходится теперь имѣть дѣло съ однимъ единственнымъ покупщикомъ. До какой степени увеличивается могущество такого рода покупщика, до какой степени, слѣдовательно, обостряется и противоположность между нимъ и рабочими,—понятно и безъ объясненій.

По даннымъ послѣдней переписи въ Соединенныхъ Штатахъ, съ 1890 до 1900 г. заработныя платы рабочихъ въ американской промышленности абсолютно уменьшились. Разъ этотъ фактъ вѣренъ, то мы, навѣрное, не впадемъ въ ошибку, если припишемъ такой результатъ распространенію картелей и трестовъ.

Далѣе, въ томъ же направленіи дѣйствовало и обостреніе иностранной конкуренціи. Здѣсь опять-таки оставались въ проигрышѣ, вмѣстѣ съ потребителями, рабочіе. На ряду съ повышеніемъ цѣнъ на товары путемъ введенія охранительныхъ пошлинъ,—которыя, въ свою очередь, способствуютъ образованію предпринимательскихъ союзовъ,—капиталисты въ борьбѣ съ иностранной конкуренціей прибѣгаютъ къ усиленію эксплуатаціи рабочихъ. Отсюда обостреніе борьбы капиталистовъ противъ боевыхъ политическихъ и профессіональныхъ организацій рабочаго класса, которыя стоятъ у нихъ на пути къ этой цѣли.

Стало быть, и тутъ—не смягченіе классовыхъ противоположностей, а ихъ обостреніе.

Къ этому присоединяется, въ качествѣ третьяго момента, прогрессирующее сліяніе промышленнаго капитала съ денежнымъ, съ финансовой аристократіей. Промышленный капиталистъ есть предприниматель, который имѣетъ извѣстное предпріятіе въ сферѣ производства—принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ (включая и транспортъ),—эксплуатируетъ занятыхъ въ немъ наемныхъ рабочихъ и извлекаетъ изъ нихъ свою прибыль. Напротивъ, денежный капиталистъ, это—тотъ же старинный ростовщикъ, только преобразованный на современный ладъ; онъ извлекаетъ свой доходъ изъ денегъ, которыя даетъ взаймы за проценты, даетъ не только нуждающимся частнымъ лицамъ, какъ было прежде, но и капиталистамъ-предпринимателямъ, общинамъ, государствамъ и т. д.

Между промышленникомъ и денежнымъ капиталистомъ существуетъ рѣзкая противоположность, сходная съ тою, какую мы видимъ между

промышленнымъ капиталистомъ и землевладѣльцемъ. Подобно земельной рентѣ (арендной, наемной платѣ), процентъ на даваемый взаймы капиталъ представляетъ собою вычетъ изъ предпринимательской прибыли. Слѣдовательно, интересы того и другого вида капитала сталкиваются въ этомъ пунктѣ. Но между ними существуетъ антагонизмъ и въ политической сферѣ. Какъ крупный землевладѣлецъ стоитъ теперь за „сильную“, и особенно охотно за монархическую государственную власть, потому что,—поскольку изъ его рядовъ составляется придворная знать,—онъ можетъ оказывать личное вліяніе на монарха, а стало быть, и на государственную власть; — какъ, далѣе, онъ является горячимъ защитникомъ милитаризма, открывающаго для его дѣтей офицерскую карьеру, къ которой оказывается менѣе пригодною молодежь буржуазная;—какъ поэтому онъ всегда ратуетъ за насильственную политику, внутреннюю и внѣшнюю,—такъ и финансовая аристократія выступаетъ сторонницей милитаризма и „твердой“ боевой политики во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ. Денежнымъ тузамъ нечего бояться „сильной“, т. е. отъ народа и отъ парламента не зависящей, государственной власти, такъ какъ они держатъ эту власть въ своихъ рукахъ, въ качествѣ кредиторовъ, а зачастую и благодаря личнымъ вліяніямъ при дворѣ. Милитаризмъ, войны, государственные долги—во всемъ этомъ они тоже заинтересованы и въ качествѣ кредиторовъ государства, и въ качествѣ поставщиковъ его, такъ какъ сфера ихъ вліянія и ихъ грабительства, ихъ могущество и ихъ богатство расширяются и растутъ, благодаря всему этому.

Совсѣмъ другое дѣло — промышленный капиталъ. Милитаризмъ, войны, государственные долги означаютъ увеличеніе налоговъ, которые въ значительной долѣ падаютъ и на него, или ведутъ, по крайней мѣрѣ, къ повышенію издержекъ производства. Война означаетъ, кромѣ того, заминку въ производствѣ и сбытѣ товаровъ, разстройство въ дѣлахъ, а нерѣдко и разореніе. Если денежный тузъ склоненъ къ риску, расточительности и политикѣ насилія, то промышленный предприниматель отличается робостью, бережливостью и миролюбіемъ. „Сильная государственная власть“ внушаетъ ему опасенія, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ оказывать непосредственнаго давленія на нее. Не „сильное“ правительство, а сильный парламентъ,—вотъ что соотвѣтствуетъ его интересамъ. Въ противоположность крупному землевладѣльцу и финансовой аристократіи, онъ имѣетъ поэ ому тяготѣніе къ либерализму. Половинчатость, свойственная либерализму, вытекаетъ изъ его собственной половинчатости. Если, съ одной стороны, земельная рента, процентъ, налоги уменьшаютъ его прибыль, то, съ другой стороны, борющійся за свое освобожденіе пролетаріатъ грозитъ стереть съ лица земли всю систему хозяйства изъ-за прибыли. Однако, и по отношенію къ пролетаріату, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не угрожаетъ ему слишкомъ большой опасностью, промышленный предприниматель предпочитаетъ насильственному по-

давленію мирные методы борьбы, въ родѣ политики „раздѣляй и властвуй“, въ родѣ устройства разнаго рода благотворительныхъ учрежденій съ цѣлью подкупить рабочаго и привязать его къ себѣ и т. п. Тамъ, гдѣ пролетаріатъ не проводитъ еще никакой самостоятельной политики,—промышленный капиталъ особенно охотно пользуется имъ, какъ слѣпымъ орудіемъ, какъ „голосующей скотиной“ (Stimmvieh), чтобы увеличивать свою собственную политическую власть. Мелкобуржуазному соціализму противоположность между промышленнымъ капиталомъ и пролетаріатомъ представляется менѣе важною, чѣмъ противоположность между предпринимательской прибылью—съ одной стороны, земельной рентой и процентомъ—съ другой. На уничтоженіе земельной ренты и процента онъ смотритъ какъ на рѣшеніе соціальнаго вопроса.

Но противоположность между финансовой аристократіей и промышленной буржуазіей все болѣе и болѣе сглаживается, такъ какъ съ ростомъ концентраціи капитала финансовая аристократія все болѣе и болѣе подчиняетъ себѣ промышленность. Однимъ изъ важныхъ орудій этого подчиненія является прогрессирующее вытѣсненіе единоличныхъ предпринимателей *акціонерными обществами*. Благодушные оптимисты видятъ въ акціонерныхъ компаніяхъ средство „демократизировать“ капиталъ и такимъ образомъ потихоньку, безъ революціи незамѣтно превратить капиталъ въ собственность народа. Въ дѣйствительности же акціонерныя компаніи ведутъ къ тому, что всѣ принадлежащія среднимъ и низшимъ классамъ деньги, ненужныя имъ для удовлетворенія текущихъ потребностей, превращаются въ денежный капиталъ и, какъ таковой, попадаютъ въ распоряженіе крупныхъ денежныхъ капиталистовъ, которые пользуются ими для покупки промышленныхъ предпріятій у частныхъ предпринимателей,— т. е., онѣ помогаютъ финансовой аристократіи сосредоточивать промышленность въ рукахъ кучки денежныхъ капиталистовъ. Безъ акціонерныхъ обществъ крупные финансовые тузы могли бы овладѣвать лишь тѣми промышленными предпріятіями, какія они въ состояніи купить на собственныя деньги. Благодаря же акціонернымъ обществамъ они получаютъ возможность подчинять своему вліянію,—а потомъ уже тѣмъ легче пріобрѣтать и въ собственность,—множество промышленныхъ предпріятій, для покупки которыхъ они не располагаютъ необходимыми денежными средствами. Возьмите, напримѣръ, это сказочное могущество фирмы Пирпонтъ Морганъ и К°. Въ теченіе всего лишь нѣсколькихъ лѣтъ она сосредоточила въ однѣхъ рукахъ множество желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, большую часть желѣзодѣлательныхъ заводовъ Соединенныхъ Штатовъ, а теперь успѣла уже монополизировать и важнѣйшія океанскія пароходныя линіи. Безъ акціонерной системы такое стремительное завоеваніе господства надъ промышленностью и средствами сообщенія важнѣйшихъ культурныхъ странъ было бы прямо невозможно.

По даннымъ Лондонскаго „Экономиста“, пять человѣкъ: Дж. Д. Рокфеллеръ, Э. Г. Гарримэнъ, Дж. Пирпонтъ Морганъ, В. Р. Вандербильтъ и Г. Д. Гульдъ, имѣютъ всѣ вмѣстѣ болѣе 3.000 милліоновъ марокъ. Распоряжаются же они всѣ вмѣстѣ капиталомъ болѣе чѣмъ въ 30.000 милліоновъ марокъ, между тѣмъ какъ весь капиталъ, вложенный въ банки, желѣзныя дороги и промышленныя компаніи Соединенныхъ Штатовъ, достигаетъ 70.000 милліоновъ марокъ. Стало быть, благодаря развитію акціонернаго дѣла, въ распоряженіи названныхъ пяти лицъ находится почти половина этого капитала, отъ котораго, въ свою очередь, зависитъ вся экономическая жизнь Сѣверо-Американскаго Союза.

Кризисъ, который не преминетъ разразиться въ Америкѣ, и въ этотъ разъ, какъ всегда, приведетъ къ экспропріаціи мелкихъ акціонеровъ и къ увеличенію и упроченію имущества крупныхъ.

Но чѣмъ больше денежный капиталъ овладѣваетъ промышленностью, тѣмъ болѣе и промышленный капиталъ воспринимаетъ методы денежнаго капитала. Въ глазахъ единоличнаго предпринимателя, живущаго рядомъ со своими рабочими, эти послѣдніе остаются все-таки людьми, къ благополучію и несчастью которыхъ онъ не можетъ относиться совершенно равнодушно, если онъ еще не совсѣмъ зачерствѣлъ. Для владѣльца акцій существуетъ только дивидендъ, рабочіе являются для него простыми цифрами въ ариѳметической задачѣ, но въ такой задачѣ, въ рѣшеніи которой онъ заинтересованъ въ высшей степени, ибо оно можетъ принести ему увеличеніе благосостоянія, усиленіе могущества или же уменьшеніе благосостоянія и силы и соціальную деградацію. Тутъ уже исчезаетъ послѣдняя тѣнь человѣческаго отношенія къ рабочимъ, которое еще могло проскальзывать у частнаго предпринимателя.

Денежный капиталъ представляетъ собою такой видъ капитала, который обнаруживаетъ наибольшую склонность къ насильственнымъ дѣйствіямъ,—который всего легче создаетъ, путемъ соединенія, монополіи и, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ безграничную власть надъ рабочимъ классомъ,—который всего болѣе отчужденъ отъ рабочаго. И вотъ этотъ-то видъ капитала вытѣсняетъ капиталы частныхъ промышленниковъ и все болѣе и болѣе овладѣваетъ всѣмъ капиталистическимъ производствомъ.

Естественно-необходимымъ результатомъ всего этого и здѣсь является обостреніе соціальной противоположности.

„Ну, а Англія?“—возразятъ намъ—„Развѣ не находимъ мы тамъ прогрессирующаго ослабленія классовыхъ противоположностей? И не говорилъ ли уже Марксъ, что Англія есть классическая страна капиталистическаго способа производства и что, въ качествѣ такой, она показываетъ намъ картину нашего собственнаго будущаго? Не является ли, слѣдовательно, нынѣшнее состояніе Англіи такимъ, къ которому приближаемся все болѣе и мы?“

На Англію постоянно указываютъ намъ поклонники „соціальнаго мира“; и замѣчательно, что люди, которые всего громче упрекаютъ насъ, „ортодоксальныхъ“ марксистовъ, въ упорномъ отстаиваніи каждаго положенія Маркса, думаютъ окончательно посрамить насъ именно ссылкой на слова Маркса въ „Капиталѣ“.

Въ дѣйствительности обстоятельства сильно измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ былъ написанъ «Капиталъ». Англія перестала быть классической страной капитализма. Она все болѣе и болѣе отстаетъ въ своемъ развитіи, ее все болѣе и болѣе опережаютъ другія націи, въ особенности Германія и Америка, и теперь отношеніе между нею и этими націями начинаетъ принимать обратный видъ. Англія перестаетъ показывать намъ картину нашего будущаго,—напротивъ, наши порядки начинаютъ показывать Англіи картину ея собственнаго будущаго въ сферѣ капиталистическаго способа производства. Вотъ къ какому выводу изслѣдованіе фактическихъ отношеній приводитъ тѣхъ „ортодоксальныхъ“ марксистовъ, которые не преклоняются слѣпо передъ Марксомъ, а примѣняютъ его методъ, чтобы понять настоящее.

Англія была классической почвой капитализма, на которой впервые достигъ господства промышленный капиталъ. Онъ достигъ господства благодаря своему экономическому превосходству не только надъ другими классами Англіи, но и надъ остальными странами. Въ силу этого промышленный капиталъ Англіи могъ всего свободнѣе развить тѣ свойства, на которыя я указывалъ выше, характеризуя промышленный капиталъ вообще. Онъ отказывался отъ насильственныхъ пріемовъ въ борьбѣ съ рабочимъ классомъ и заботился, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы „мирно“ разъединять рабочихъ, давать политическія привилегіи болѣе сильнымъ, организованнымъ слоямъ пролетаріата, стараясь купить и развратить его вождей посредствомъ дружескаго, предупредительнаго отношенія къ нимъ,—что ему и удавалось слишкомъ часто. Онъ отказывался вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всякой насильственной политики во внѣшнихъ дѣлахъ, миръ и свобода торговли сдѣлались его лозунгомъ; онъ мирно уживался съ бурами и, въ концѣ концовъ, началъ дѣлать даже видъ, будто намѣренъ загладить вѣковую несправедливость Англіи по отношенію къ Ирландіи и даровать ирландцамъ гомруль (homerule—самоуправленіе).

Между тѣмъ, иностранная конкуренція усилилась до того, что во многихъ случаяхъ стала принимать угрожающіе размѣры. Подъ давленіемъ ея англійскіе капиталисты начинаютъ стремиться къ тому, чтобы устранить всѣ препятствія, мѣшающія усиленію эксплуатаціи рабочихъ внутри страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ тому, чтобы обезпечить за собой насильственными мѣрами внѣшніе рынки. Рука объ руку съ этимъ усиливается и становится преобладающей роль фи-

пансовыхъ грузовъ въ процессѣ производства. Съ этого времени Англія принимаетъ совершенно другой видъ. „Духъ времени, — констатировали недавно супруги Вэббъ въ журналѣ Sociale Praxis (20 марта 1902 года),—обратился въ теченіе послѣдняго десятилѣтія противъ „корпоративной самопомощи“ въ отношеніяхъ между работодателями и рабочими, развитіе которой характерно для предшествовавшаго поколѣнія. Фактъ тотъ, что общественное мнѣніе состоятельныхъ классовъ и представителей свободныхъ профессій *настроено по отношенію къ профессіональнымъ рабочимъ союзамъ и къ стачкамъ болѣе враждебно, чѣмъ это было лѣтъ тридцать тому назадъ.*

И вотъ вслѣдствіе такой перемѣны суды начинаютъ самымъ чувствительнымъ образомъ стѣснять дѣятельность тредъ-юніоновъ. Вмѣсто свободы торговли начинаютъ вводиться пошлины, удорожающія жизненные припасы. Опять выступаетъ на сцену завоевательная колоніальная политика, а вмѣстѣ съ тѣмъ возобновляются и исключительные законы противъ Ирландіи. Недостаетъ еще только организаціи арміи на прусскій манеръ,—и тогда Англія будетъ шествовать всецѣло по стопамъ Германіи съ ея политикой по отношенію къ полякамъ, съ ея торговой, съ ея соціальной, съ ея иностранной политикой, съ ея политикой въ дѣлѣ военнаго устройства.

Каюсь, и я возлагалъ нѣкогда большія надежды на Англію. Я не ожидалъ, правда, что гладстоновская стадія распространится когда-нибудь и на Германію, но я надѣялся все же, что въ Англіи, благодаря ея своеобразнымъ условіямъ, переходъ отъ капитализма къ соціализму можетъ совершиться не путемъ соціальной революціи, а мирнымъ путемъ послѣдовательныхъ уступокъ пролетаріату со стороны господствующихъ классовъ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ разрушилъ мои надежды даже и по отношенію къ Англіи. Англійская внутренняя политика начинаетъ теперь складываться по образцу ея нѣмецкаго конкурента. Остается пожелать, чтобы по тому же образцу складывалось ея воздѣйствіе и на англійскій пролетаріатъ!

Мы видимъ теперь, насколько основательно мнѣніе, будто классовыя противоположности все болѣе и болѣе сглаживаются, будто между пролетаріатомъ и буржуазіей происходитъ сближеніе. Нельзя сказать, правда, чтобы мнѣніе это было взято съ вѣтра,—нѣтъ, оно опирается на опредѣленные факты; но ошибочность его заключается въ томъ, что этого рода фактамъ, имѣющимъ силу для одной небольшой области, придается общее значеніе. Нѣкоторые слои интеллигенціи приравниваются ко всей буржуазіи въ цѣломъ, а спеціальная, отошедшая уже въ область прошлаго, соціальная тенденція Англіи выдается за всеобщую, все болѣе и болѣе усиливающуюся тенденцію всего капиталистическаго способа производства.

6. Демократія.

Но не обезпечиваетъ ли демократія постепеннаго, незамѣтнаго перехода отъ капитализма къ соціализму, безъ того насильственнаго разрыва съ существующимъ, какимъ является завоеваніе политической власти пролетаріатомъ?

Существуетъ цѣлый рядъ политиковъ, которые утверждаютъ, что только при деспотическомъ господствѣ того или иного класса революція оказывается необходимою, въ демократическомъ же государствѣ она совершенно излишня. А такую степень демократичности государственнаго строя, какая необходима для того, чтобы сдѣлать возможнымъ мирное развитіе безъ всякихъ революцій, мы находимъ теперь уже во всѣхъ культурныхъ странахъ. Повсюду есть возможность устраивать потребительныя общества, которыя, расширяя свою дѣятельность, берутся и за самостоятельное производство продуктовъ и, такимъ образомъ, медленно, но неуклонно вытѣсняютъ капиталистическое производство изъ одной области за другою. Повсюду есть возможность организовывать профессіональные рабочіе союзы, которые все болѣе и болѣе ограничиваютъ могущество капиталиста въ сферѣ его предпріятія, на мѣсто абсолютизма вводятъ на фабрикѣ конституціонализмъ и такимъ путемъ подготовляютъ мало-по-малу переходъ къ республиканскому устройству фабрики. Почти всюду соціалъ-демократія можетъ проникать въ органы мѣстнаго самоуправленія, вліять на веденіе общественныхъ работъ въ интересахъ рабочаго класса, расширять кругъ задачъ муниципальныхъ управленій, ограничивать посредствомъ постояннаго расширенія сферы общиннаго производства сферу производства частнаго. Наконецъ, соціалъ-демократія проникаетъ въ парламенты, пріобрѣтаетъ тамъ все больше и больше вліянія, проводитъ одну соціальную реформу за другою, ограничиваетъ могущество капиталистовъ посредствомъ законовъ объ охранѣ рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, добиваясь огосударствленія крупныхъ монополій, все болѣе и болѣе расширяетъ сферу государственнаго производства. Такимъ образомъ, благодаря функціонированію демократическихъ учрежденій на почвѣ существующаго строя,—капиталистическое общество постепенно и безъ всякихъ потрясеній перерастаетъ въ соціалистическое; революціонное завоеваніе политической власти становится ненужнымъ, стремленіе къ нему прямо вреднымъ, такъ какъ оно можетъ повести только къ разстройству правильнаго теченія этого медленно, но неуклонно совершающагося процесса.

Такъ разсуждаютъ противники революціоннаго развитія.

Они рисуютъ намъ увлекательную идиллію. И опять-таки нельзя сказать, чтобы они не имѣли рѣшительно никакой фактической почвы подъ ногами. Факты, на которые опираются они, дѣйствительно существуютъ, но выводы, которые дѣлаются ими изъ этихъ фактовъ,

представляютъ изъ себя и тутъ лишь половину правды. Немножечко діалектическаго мышленія помогло бы имъ разглядѣть всю правду.

Въ самомъ дѣлѣ, идиллія эта можетъ имѣть смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что растетъ и усиливается только одна сторона, пролетаріатъ, другая же сторона, буржуазія, стоитъ неподвижно на прежнемъ мѣстѣ. Тогда, разумѣется, пролетаріатъ неизбѣжно долженъ помаленьку и безъ революціи перерасти буржуазію и незамѣтнымъ образомъ экспропріировать ее.

Но дѣло получаетъ совсѣмъ иной видъ, если мы примемъ во вниманіе и другую сторону, если мы будемъ помнить, что вѣдь и буржуазія тоже усиливается, что каждый шагъ впередъ, дѣлаемый пролетаріатомъ, побуждаетъ ее развивать новыя силы, придумывать и пускать въ ходъ новые методы отпора и угнетенія. Тогда тотъ процессъ, который при одностороннемъ взглядѣ на вещи кажется постепеннымъ и мирнымъ переходомъ къ соціализму, предстанетъ предъ нами какъ организація все большихъ и большихъ массъ борющихся, какъ выработка и примѣненіе все болѣе и болѣе сильныхъ средствъ борьбы, какъ безпрерывное расширеніе арены борьбы; вмѣсто постепеннаго замиранія классовой борьбы вслѣдствіе поглощенія капиталистическаго общества соціалистическимъ, мы увидимъ постоянное возобновленіе этой борьбы въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ, мы увидимъ углубленіе послѣдствій каждой побѣды и каждаго пораженія.

Начнемъ съ самаго невиннаго учрежденія, съ кооперацій, изъ которыхъ практическое значеніе имѣютъ теперь только потребительныя общества. Вслѣдствіе ихъ мирнаго характера они пользуются большимъ почетомъ у всѣхъ противниковъ революціоннаго развитія. Не подлежитъ сомнѣнію, что кооперативы могутъ принести рабочему классу цѣлый рядъ важныхъ выгодъ, но смѣшно ожидать отъ нихъ хотя бы только частичной экспропріаціи капитала. Если кого и экспропріируютъ они теперь, такъ только классъ мелкихъ лавочниковъ, только нѣкоторые слои ремесленниковъ, которые еще держались до сихъ поръ, какъ, напр., булочники. Поэтому-то именно крупные капиталисты нигдѣ и не возстаютъ противъ потребительныхъ товариществъ, которыя должны будто бы ихъ вытѣснить. Нѣтъ, нападаетъ съ яростью на потребительныя товарищества только мелкая буржуазія, и притомъ именно тѣ слои ея, которые держатся покупателями изъ среды рабочихъ, которые поэтому всего скорѣе можно было бы привлечь на сторону соціалъ-демократіи. Слѣдовательно, если, съ одной стороны, потребительныя товарищества рабочихъ доставляютъ матеріальныя выгоды нѣкоторымъ слоямъ пролетаріата, то, съ другой стороны, они отталкиваютъ отъ пролетарскаго движенія нѣкоторые всего ближе стоящіе къ пролетаріату слои мелкой буржуазіи. Средство, предназначенное къ тому, чтобы мирнымъ образомъ сводить на нѣтъ капитализмъ и классовую борьбу,

становится новымъ яблокомъ раздора въ классовой борьбѣ, становится средствомъ, которое разжигаетъ новую классовую ненависть. И при этомъ власть капитала остается совершенно незатронутой. Потребительныя общества до сихъ поръ вели съ успѣхомъ борьбу лишь противъ мелкихъ лавочниковъ. Борьба съ крупными магазинами имъ еще только предстоитъ, и она будетъ уже далеко не такъ легка.

Совершенно уже лишено смысла мнѣніе, что дивиденды потребительныхъ обществъ, если ихъ не выдавать членамъ, а употреблять на образованіе фонда, могутъ возрастать быстрѣе, нежели происходитъ накопленіе капитала, и что, такимъ образомъ, ростъ дивидендовъ можетъ обогнать накопленіе капитала и мало-по-малу ограничить сферу капиталистическаго хозяйства.

Потребительныя общества только въ тѣхъ случаяхъ могутъ пріобрѣсти извѣстное значеніе для эмансипаціи пролетаріата, когда пролетаріатъ ведетъ энергичную классовую борьбу, когда они являются средствомъ къ увеличенію силы и могущества борющихся рабочихъ. Притомъ потребительныя общества находятся въ полнѣйшей зависимости отъ состоянія законодательства и отъ отношенія къ нимъ государственной власти. Слѣдовательно, пока пролетаріатъ не завоевалъ политической власти, потребительныя общества будутъ имѣть для его классовой борьбы всегда лишь очень ограниченное значеніе.

Несравненно больше значенія, чѣмъ потребительныя товарищества, имѣютъ для пролетаріата *профессіональные рабочіе союзы*. Но это значеніе имѣютъ они въ качествѣ именно *боевыхъ организацій*, а отнюдь не въ качествѣ организацій „соціальнаго мира“. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочіе союзы заключаютъ договоры съ единоличными или организованными предпринимателями, они могутъ добиваться заключенія и исполненія этихъ договоровъ только благодаря своей способности вести борьбу.

Но, какъ ни важны, какъ ни необходимы даже для борющагося пролетаріата рабочіе союзы,—имъ все-таки повсюду приходится рано или поздно считаться съ возникающими въ противовѣсъ имъ организаціями,—съ предпринимательскими союзами, которые, развиваясь въ высшую форму картелей или трестовъ, очень легко пріобрѣтаютъ такую силу, что бороться съ ними становится не въ моготу и рабочимъ союзамъ.

Далѣе, рабочимъ союзамъ угрожаютъ не только предпринимательскіе союзы, а и государственная власть. Намъ, нѣмцамъ, знакомо это явленіе слишкомъ хорошо. Да и въ демократической Англіи рабочіе союзы еще не вполнѣ застрахованы отъ всѣхъ опасностей: объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣмъ извѣстныя недавнія судебныя рѣшенія, которыя угрожаютъ парализовать совершенно ихъ дѣятельность.

Въ упомянутой уже статьѣ супруговъ Вэббъ, въ „Sociale Praxis“,—статьѣ, которая вообще бросаетъ своеобразный свѣтъ на будущность

рабочихъ союзовъ,—содержатся и на этотъ счетъ интересныя доказательства. Авторы отмѣчаютъ, какъ неравномѣрно развиваются рабочіе союзы въ Англіи. „Вообще говоря, сильные сдѣлались еще сильнѣе, между тѣмъ какъ тѣ, которые уже и прежде были слабы, *стали теперь еще слабѣе, чѣмъ раньше*“. Развиваются союзы углекоповъ, рабочихъ хлопчатобумажной, строительной, желѣзной промышленности. Падаютъ союзы сельскохозяйственныхъ рабочихъ, моряковъ, рабочихъ, занятыхъ производствомъ одежды, и чернорабочихъ. Но далѣе, самому существованію рабочихъ союзовъ угрожаетъ опасность со стороны имущихъ классовъ, которые все болѣе и болѣе проникаются враждою къ нимъ. Англійскіе законы даютъ полную возможность сживать со свѣта неудобныя, съ точки зрѣнія властей, организаціи, и „опасность, что эти законы будутъ теперь направлять противъ рабочихъ союзовъ, увеличилась, стремленія въ этомъ направленіи усилились вмѣстѣ съ усиленіемъ того нерасположенія къ тредъ-уніонизму и къ счачкамъ, которое судьи и присяжные раздѣляютъ со всей массой высшихъ и среднихъ классовъ“. Существующіе законы могутъ „выдать рабочаго предпринимателю, связаннаго по рукамъ и по ногамъ“, такъ что супруги Вэббъ предвидятъ возможность наступленія такихъ порядковъ, когда „коллективный договоръ съ неизбѣжно сопровождающимъ его явленіемъ—коллективнымъ отказомъ отъ работы и остановкою промышленности, сдѣлается, благодаря судейскимъ толкованіямъ закона, невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, черезчуръ дорогимъ и затруднительнымъ“.

При этомъ нужно еще имѣть въ виду, что до сихъ поръ рабочіе союзы были для капиталистовъ, самое большее, лишь неудобными; о дѣйствительномъ стѣсненіи ими капиталистической эксплуатаціи говорить не приходится. Можете себѣ представить, поэтому, какъ бы стала поступать государственная власть даже въ Англіи, этомъ Эльдорадо тредъ-юніонизма, если бы рабочимъ союзамъ удалось на самомъ дѣлѣ чувствительно обуздать своеволіе капитала!

Точно такъ же и такъ наз. муниципальный соціализмъ,—даже тамъ, гдѣ господствуетъ всеобщее избирательное право при коммунальныхъ выборахъ,— находитъ себѣ предѣлъ въ данномъ государственномъ и общественномъ строѣ. Община всегда остается связанною общими экономическими и политическими условіями; своими силами она не можетъ выйти за эти предѣлы. Правда, въ единичныхъ общинахъ съ развитой промышленностью пролетаріи могутъ забрать въ свои руки общинное управленіе гораздо раньше, чѣмъ они пріобрѣтутъ достаточно силы, чтобы завоевать государственную власть; они могутъ такимъ путемъ достигнуть хотя бы того, чтобы общинное управленіе не носило прямо враждебнаго пролетаріату характера, и провести отдѣльныя реформы, которыхъ нельзя было бы ожидать отъ буржуазнаго управленія. Но всѣ эти муниципалисты скоро наталкиваются на непреодолимыя преграды, создаваемыя не

только государственной властью, но и ихъ собственнымъ экономическимъ безсиліемъ. Въ большинствѣ случаевъ соціалъ-демократами завоевываются раньше всего общины бѣдныя, населенныя почти исключительно пролетаріями. Откуда взять такимъ общинамъ средствъ для проведенія болѣе или менѣе крупныхъ реформъ? Въ обложеніи жителей общины налогами общинное управленіе стѣснено по большей части общегосударственными законами, да и тамъ, гдѣ этого нѣтъ, оно не можетъ, при обложеніи состоятельныхъ и богатыхъ жителей, преступать извѣстной границы, не выживая изъ общины именно такихъ ея членовъ, съ которыхъ только и можно что-нибудь взять. И вотъ для проведенія каждой болѣе или менѣе крупной реформы приходится иногда вводить новые налоги, которые возбуждаютъ неудовольствіе не только среди высшихъ классовъ, но и въ широкихъ кругахъ населенія. Многія общины, которыя были завоеваны соціалистами или близко къ нимъ стоящими реформаторскими партіями, опять ускользнули изъ ихъ рукъ именно изъ-за вопроса о налогахъ, несмотря на то, что общинное хозяйство велось ими образцово. Такъ было однажды въ Лондонѣ, такъ было недавно въ Рубэ.

Ну, а политическая дѣятельность?—возразятъ намъ.—Для нея-то вѣдь не существуетъ никакихъ подобныхъ преградъ! И развѣ не видимъ мы безпрерывнаго прогресса въ законодательствѣ по охранѣ рабочихъ, развѣ не приноситъ намъ каждая парламентская сессія все новыя и новыя ограниченія капитализма? Не увеличивается ли съ каждыми выборами число нашихъ представителей въ парламентѣ? И развѣ, благодаря этому, не возрастаетъ—медленно, но неуклонно и неудержимо—наша сила въ государствѣ, наше вліяніе на правительство? Развѣ не усиливается вмѣстѣ съ тѣмъ и зависимость капитала отъ пролетаріата?

Безспорно, число законовъ, ограждающихъ рабочаго, годъ отъ году увеличивается. Однако, присмотрѣвшись къ дѣлу ближе, мы увидимъ, что въ послѣднія десятилѣтія большинство такихъ законовъ не усиливаетъ охраны труда тамъ, гдѣ она уже введена, а только распространяетъ дѣйствіе существующихъ правилъ по охранѣ труда на новыя области — на служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ и въ трактирахъ, на дѣтей внѣ фабрики, на домашнихъ рабочихъ (кустарей), на матросовъ и т. д.,—да и это распространеніе въ большинствѣ случаевъ очень нерѣшительное и весьма сомнительнаго свойства. Если же принять въ соображеніе, съ какой необычайной быстротою капиталистическій способъ производства расширяетъ область своего господства, какъ быстро охватываетъ онъ промыселъ за промысломъ, страну за страною, то окажется, что распространеніе законодательства по охранѣ рабочихъ идетъ гораздо болѣе медленнымъ темпомъ, что оно нигдѣ не обгоняетъ расширенія капитализма, а лишь еле-еле ковыляетъ за нимъ. И въ то время какъ расширеніе капита-

жизни идетъ все болѣе и болѣе быстрымъ темпомъ, — распространеніе законодательства по охранѣ труда все болѣе и болѣе замедляется.

Далѣе. Если законодательство по охранѣ труда развивается *вширь* недостаточно быстро, то развитія его *вглубь* и совсѣмъ почти незамѣтно. Въ 1847 году въ Англіи, подъ давленіемъ чартистскаго движенія и быстраго обнищанія рабочихъ текстильной промышленности, былъ завоеванъ десятичасовой рабочій день для женщинъ и подростковъ, а фактически для всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ текстильной промышленности. И съ тѣхъ поръ—въ какой странѣ ушли мы дальше десятичасового рабочаго дня?

Вторая республика во Франціи установила въ 1848 году для всѣхъ рабочихъ въ Парижѣ десятичасовой, въ остальной Франціи— одиннадцатичасовой рабочій день. Когда Мильеранъ провелъ недавно въ палатѣ законопроектъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ (провелъ на бумагѣ со множествомъ ухудшающихъ законъ оговорокъ) для тѣхъ промышленныхъ заведеній, въ которыхъ работаютъ женщины и дѣти вмѣстѣ съ мужчинами (слѣдовательно, *не для всѣхъ* промышленныхъ заведеній), то подобная мѣра была превознесена до небесъ, какъ достойное удивленія дѣло, которое способенъ былъ, дескать, совершить только *соціалистическій* министръ. И однако же соціалистическій министръ своимъ закономъ далъ рабочимъ гораздо меньше, чѣмъ дало имъ полвѣка назадъ англійское буржуазное законодательство, ибо десятичасовой рабочій день онъ установилъ и *для дѣтей*, для которыхъ въ Англіи уже въ 1844 году продолжительность рабочаго дня была ограничена $6^1/_2$ часами.

Уже Женевскій конгрессъ Интернаціонала требовалъ въ 1866 г. восьмичасового рабочаго дня, какъ предварительнаго условія всякой плодотворной соціальной реформы. А 36 лѣтъ спустя, на послѣднемъ конгрессѣ французскихъ соціалистовъ въ Турѣ, одинъ изъ делегатовъ возсталъ противъ того, чтобы восьмичасовой рабочій день вошелъ въ число нашихъ ближайшихъ требованій. Этотъ делегатъ признавалъ желательнымъ требовать только „мѣропріятій, *пролагающихъ путь* къ установленію восьмичасового рабочаго дня“. И этого господина не подняли на смѣхъ,— онъ даже выставилъ свою кандидатуру на послѣднихъ выборахъ въ Парижѣ!

Какъ видите, единственное, что въ соціальной реформѣ дѣлаетъ быстрые успѣхи, это—скромность соціалъ-реформистевъ.

Но какъ же возможно подобное явленіе на ряду съ увеличеніемъ числа соціалистическихъ депутатовъ въ парламентахъ? Эта странная вещь объясняется очень просто,— стоитъ лишь, не ограничиваясь указаніемъ на фактъ увеличенія числа депутатовъ соціалистическихъ партій, взглянуть и на оборотную сторону медали. Число соціалистическихъ депутатовъ въ парламентахъ, дѣйствительно, увеличивается, но въ то же самое время падаетъ буржуазная демократія. Упадокъ этотъ очень часто обнаруживается внѣшнимъ образомъ въ

уменьшеніи числа голосовъ, подаваемыхъ за нее на выборахъ; постоянно же онъ проявляется во внутреннемъ разложеніи буржуазной демократіи. Она становится все трусливѣе и безхарактернѣе; противъ реакціи она умѣетъ обороняться только однимъ способомъ— изъявляя съ своей стороны готовность тоже слѣдовать реакціонной политикѣ; и она дѣйствительно слѣдуетъ реакціонной политикѣ, когда ей удается получить въ свои руки „кормило правленія". Таковъ практикуемый нынѣ либералами способъ завоеванія политической власти.

Когда Бисмаркъ сталъ замѣчать, что его режимъ колеблется, онъ удлинилъ законодательный періодъ германскаго рейхстага съ трехъ до пяти лѣтъ. Это была отчаянная, реакціонная мѣра, которая вызвала цѣлую бурю негодованія. А вотъ во Франціи такъ послѣднее радикальное „министерство республиканской защиты", съ соціалистическимъ министромъ Мильераномъ въ его составѣ, потребовало передъ самыми выборами удлиненія законодательныхъ періодовъ съ 4 до 6 лѣтъ, и дѣйствительно получило санкцію этой мѣры отъ республиканскаго большинства! Не воспротивься сенатъ, эта ультрареакціонная мѣра не преминула бы сдѣлаться закономъ.

Но мало того, что исчезаетъ буржуазный либерализмъ, съ такой же быстротой, съ какой возрастаетъ соціалъ-демократія,—въ то самое время, какъ въ парламентахъ увеличивается вліяніе соціалъ-демократіи,—уменьшается вліяніе самихъ парламентовъ. Оба эти процесса совершаются одновременно, но они не находятся ни въ какой прямой связи другъ съ другомъ. Наоборотъ, тѣ парламенты, въ которыхъ нѣтъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ, каковы саксонская или прусская палата, утрачиваютъ свое вліяніе и свою творческую силу еще скорѣе, чѣмъ другіе.

Упадокъ парламентаризма обусловливается самыми различными причинами. Но важнѣйшихъ изъ нихъ мы не можемъ искать въ недостаткахъ парламентской техники,—недостаткахъ, которые можно было бы устранить посредствомъ измѣненія регламента или расширенія сферы компетенціи парламента. Нѣтъ, коренныя причины этого явленія кроются въ характерѣ тѣхъ классовъ, которые посредствомъ парламентовъ оказываютъ рѣшающее вліяніе на правительство.

Для успѣха парламентаризма необходимы два условія: во-первыхъ, сильное, сплоченное большинство; во-вторыхъ, великая соціальная цѣль, къ которой энергически стремится это большинство и къ которой оно побуждаетъ итти и правительство. Оба эти условія были налицо въ цвѣтущую эпоху парламентаризма. Пока капитализмъ представлялъ будущность націи, до тѣхъ поръ за его свободное развитіе стояли всѣ слои народа, вліятельно представленные въ парламентахъ и прежде всего масса интеллигенціи; но и большинство мелкой буржуазіи, и даже рабочихъ, шло тогда за буржуазными вождями.

Такимъ образомъ, возникъ либерализмъ, какъ сплоченная партія съ великими цѣлями. Борьба либерализма за парламентъ и въ парламентѣ и придавала этому послѣднему его былое значеніе.

Но съ тѣхъ поръ началась та эволюція, которую я охарактеризовалъ выше. Она толкаетъ пролетаріатъ, вырабатывающій свое особое классовое самосознаніе, а также часть интеллигенціи, мелкой буржуазіи и мелкаго крестьянства въ соціалистическій лагерь; она дѣлаетъ остальную часть мелкой буржуазіи и крестьянства совершенно реакціонною, между тѣмъ какъ наиболѣе сильные элементы промышленной буржуазіи соединяются съ финансовой аристократіей, которая никогда не придавала большого значенія парламентаризму,— хотя она отлично умѣетъ справляться и съ нимъ (примѣръ—Панама).

И вотъ, либеральная партія распадается на составляющіе ее элементы, при чемъ изъ господствующихъ классовъ не образуется уже никакой другой крупной парламентской партіи съ однороднымъ характеромъ, которая бы могла занять ея мѣсто. Чѣмъ реакціоннѣе становятся имущіе классы, тѣмъ въ меньшей степени составляютъ они однородную массу, тѣмъ больше распадаются они на отдѣльныя мелкія партіи, тѣмъ труднѣе становится составить однородное парламентское большинство. Все чаще и чаще оказывается невозможнымъ составить его иначе, какъ путемъ соединенія самыхъ разнообразныхъ направленій на данный только моментъ, т. е. путемъ образованія коалицій, которыя зиждутся на самомъ непрочномъ базисѣ, ибо ихъ скрѣпляетъ не тѣсная внутренняя связь, а исключительно разсчетъ внѣшней цѣлесообразности. Эти коалиціи заранѣе осуждены на безплодіе, такъ какъ элементы, ихъ составляющіе, до такой степени разнородны, что они могутъ оставаться въ союзѣ только при условіи *отказа* каждаго изъ нихъ отъ рѣшительныхъ дѣйствій въ его особомъ направленіи. Только при странномъ непониманіи сущности этихъ коалицій, которыя являются продуктами упадка парламентаризма и означаютъ его соціальное и политическое безсиліе, можно разсматривать участіе въ нихъ, какъ средство медленнаго, постепеннаго пріобрѣтенія политической власти пролетаріатомъ.

Но соціальная эволюція приводитъ не только къ распаденію крупныхъ, однородныхъ парламентскихъ партій на множество разнородныхъ, даже противоположныхъ фракцій,—она приводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ тому, что парламентскія большинства оказываются очень часто болѣе реакціонными, болѣе враждебно настроенными по отношенію къ пролетаріату, нежели правительства. Хотя правительства и являются лишь приказчиками господствующихъ классовъ, однако они лучше своихъ хозяевъ знаютъ политическія и соціальныя отношенія въ ихъ совокупности, и хотя государственная бюрократія является лишь покорнымъ слугою правительства, но она живетъ все-таки своею особой жизнью, имѣетъ свои собственныя тенденціи, которыя оказываютъ въ свою очередь воздѣйствіе и на правительство. Бюрократія же

рекрутируется изъ среды интеллигенціи, въ которой, какъ мы видѣли, пониманіе значенія пролетаріата, хотя и робко, но дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи.

Все это приводитъ къ тому, что нерѣдко правительства, при всей своей реакціонности и при всей своей враждѣ къ рабочимъ, не обнаруживаютъ на практикѣ такой дикой свирѣпости, какъ стоящіе за ними господствующіе классы съ ихъ хвостомъ изъ мелкой буржуазіи и крестьянства. Парламенты, служившіе прежде средствомъ толкать правительства впередъ по пути прогресса, все болѣе и болѣе становятся теперь средствомъ сводить на-нѣтъ даже тѣ слабыя попытки реформъ, которыя, подъ давленіемъ обстоятельствъ, вынуждены дѣлать иногда правительства. По мѣрѣ того, какъ господствующіе нынѣ при помощи парламентаризма классы дѣлаются ненужными и даже вредными, утрачиваетъ свое значеніе и парламентская машина.

Если же съ другой стороны, заботы о привлеченіи на свою сторону массъ избирателей-пролетаріевъ и побуждаютъ иногда тотъ или другой парламентъ поиграть въ рабочелюбіе и демократію, постараться перещеголять въ этомъ отношеніи правительство, то это послѣднее всегда находитъ достаточно средствъ обойтись и безъ парламента.

Въ Соединенныхъ Штатахъ борьба противъ рабочихъ союзовъ ведется не столько парламентами, сколько судами. Въ Англіи теперешній походъ противъ рабочихъ союзовъ поднятъ рѣшеніями лордовъ, а не законодательствомъ зависящей отъ избирателей палаты общинъ. Что въ Германіи духъ похороненнаго законопроекта о „разрушительныхъ“ стремленіяхъ (Umsturzvorlage) началъ оживать въ судахъ,—это на своей шкурѣ испытали нѣмецкіе рабочіе!

Такимъ образомъ, свѣча горитъ съ обоихъ концовъ. Какъ господствующія партіи, такъ и правительство все болѣе и болѣе осуждаютъ парламентъ на безплодіе. Парламентаризмъ все болѣе и болѣе становится неспособнымъ проводить рѣшительную политику въ какомъ бы то ни было направленіи. Онъ все болѣе и болѣе дряхлѣетъ и можетъ возродиться къ новой жизни только тогда, когда его завоюетъ вмѣстѣ со всей государственной властью полный дѣйственныхъ силъ пролетаріатъ и заставитъ его служить своимъ цѣлямъ. Однимъ словомъ, парламентаризмъ, отнюдь не дѣлая революцію невозможною или хотя бы даже только ненужною, самъ, напротивъ того, нуждается въ революціи, чтобы снова стать жизнеспособнымъ.

Пусть не перетолковываютъ моихъ словъ въ томъ смыслѣ, будто я считаю демократію ненужною, будто я думаю, что кооперации, тредъ-юніоны, проникновеніе соціалъ-демократіи въ общинныя управленія и въ парламенты, борьба въ этихъ учрежденіяхъ за отдѣльныя реформы,—что все это не имѣетъ никакой цѣны. Нѣтъ ничего ошибочнѣе подобнаго предположенія. Совсѣмъ напротивъ, все это имѣетъ огромное значеніе для пролетаріата,—будучи только совершенно не-

годнымъ въ качествѣ средства предотвратить революцію, т. е. за воеваніе политической власти пролетаріатомъ.

Демократія уже потому имѣетъ величайшее значеніе, что она дѣлаетъ возможными высшія формы революціонной борьбы. Революціонная борьба перестаетъ уже быть тѣмъ, чѣмъ она была въ 1789 или даже въ 1848 гг.,—борьбою неорганизованныхъ массъ, безъ всякаго политическаго воспитанія, безъ всякаго знакомства съ относительной силой борющихся факторовъ, безъ глубокаго пониманія цѣлей борьбы и средствъ къ ихъ достиженію, — борьбою массъ, которыя могъ увлечь и сбить съ пути всякій слухъ, всякая случайность. Революціонная борьба становится борьбою организованныхъ, сознательныхъ массъ, подвигающихся впередъ настойчиво и обдуманно,—массъ, которыхъ не увлечетъ любой порывъ, которыхъ не доведетъ до взрыва любое безобразіе, но которыхъ зато и не обезкуражитъ никакая неудача.

Съ другой стороны, избирательная борьба дастъ возможность производить подсчетъ своимъ сторонникамъ и врагамъ, составлять ясное представленіе объ относительной силѣ классовъ и партій, объ ихъ развитіи и паденіи; она удерживаетъ, такимъ образомъ, отъ опрометчивыхъ шаговъ и предохраняетъ отъ пораженій; она даетъ замѣстѣ съ тѣмъ возможность и противнику замѣтить шаткость нѣкоторыхъ изъ своихъ позицій и отказаться отъ нихъ добровольно, когда ихъ сохраненіе не составляетъ для него вопроса жизни. Борьба становится, такимъ образомъ, менѣе жестокой, уноситъ меньше жертвъ, сказывается въ меньшей степени зависящей отъ слѣпыхъ случайностей.

Но не надо преуменьшать значенія и тѣхъ практическихъ завоеваній, которыя мы можемъ дѣлать благодаря демократіи, пользуясь даваемыми ею вольностями и правами. Завоеванія эти слишкомъ ничтожны для того, чтобы ограничить господство капитализма и дать возможность ему незамѣтнымъ образомъ перерасти въ соціализмъ. Но самая незначительная реформа, самая маленькая организація можетъ пріобрѣсти огромное значеніе для физическаго и духовнаго *возрожденія пролетаріата:* безъ нихъ, отданный на произволъ капитализма, постоянно угрожающаго ему обнищаніемъ и полнымъ паденіемъ, пролетаріатъ давно и дошелъ бы до такого состоянія. Затѣмъ, дѣятельность представителей рабочаго класса въ парламентахъ и работа пролетарскихъ организацій необходимы не только для предохраненія пролетаріата отъ обнищанія, а и для все большаго и большаго практическаго ознакомленія его съ задачами и средствами какъ государственнаго и мѣстнаго управленія, такъ и крупныхъ хозяйственныхъ предпріятій, — то-есть для достиженія имъ такой степени духовной зрѣлости—чтобы онъ могъ впослѣдствіи замѣнить буржуазію въ качествѣ господствующаго класса.

Такимъ образомъ, демократія необходима, какъ средство подготовить пролетаріатъ къ соціальной революціи, но она не въ состояніи предотвратить этой революціи. Демократія для пролетаріата—то же, что воздухъ и свѣтъ для организма: безъ нея онъ не можетъ развернуть свои силы. Но изъ-за роста одного класса не надо забывать объ одновременно совершающемся ростѣ другого — враждебнаго класса. Демократія отнюдь не задерживаетъ развитія капитала, и его организація, его политическое и экономическое могущество увеличиваются одновременно съ ростомъ силы пролетаріата. Растутъ потребительныя товарищества рабочихъ, но одновременно съ ними растетъ еще быстрѣе накопленіе капитала; растутъ рабочіе союзы, но одновременно съ ними растетъ еще быстрѣе концентрація капитала и организація его въ гигантскія монополіи. Растетъ (отмѣчаю еще одинъ пунктъ, на которомъ я здѣсь не останавливался) соціалистическая пресса, но вмѣстѣ съ нею растетъ безпартійная, безъидейная печать, разслабляющая и отравляющая широкіе круги народа. Увеличивается рабочая плата, но еще быстрѣе увеличивается масса прибыли. Растетъ число соціалистическихъ депутатовъ въ парламентахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе падаетъ значеніе и дѣятельность этихъ учрежденій, и въ то же самое время какъ парламентское большинство, такъ и правительства попадаютъ во все большую и большую зависимость отъ могущественной финансовой аристократіи.

Такъ развиваются на ряду съ силами и средствами пролетаріата силы и средства капитала, и финаломъ этого развитія можетъ быть только великая рѣшительная борьба между тѣмъ и другимъ,—борьба, которая не можетъ окончиться, пока не одержитъ побѣды пролетаріатъ. Ибо классъ капиталистовъ сталъ ненужнымъ, пролетаріатъ же сдѣлался, напротивъ, самымъ необходимымъ классомъ общества. Классъ капиталистовъ не можетъ уничтожить или истребить пролетаріата. Послѣ каждаго пораженія пролетаріатъ необходимо долженъ подняться снова,—съ каждымъ разомъ еще болѣе грозный, чѣмъ прежде; а первой крупной побѣдой надъ капиталомъ, которая передастъ ему въ руки политическую власть, пролетаріатъ не можетъ воспользоваться ни для чего иного, кромѣ какъ для уничтоженія капиталистическихъ отношеній. Пока это не произошло, до тѣхъ поръ не будетъ и не можетъ быть конца борьбѣ между тѣмъ и другимъ классомъ. „Соціальный миръ“ на почвѣ капиталистическаго способа производства есть утопія, которая выросла изъ очень реальныхъ потребностей интеллигенціи, но которая не имѣетъ подъ собой никакой реальной почвы въ дѣйствительности. Не меньшую утопію представляетъ собою и идея о „незамѣтномъ перерастаніи капитализма въ соціализмъ“. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что капитализмъ кончится иначе, чѣмъ онъ начался. Ни экономическое, ни политическое развитіе не даютъ никакихъ указаній

за то, чтобы эра революцій, составляющая отличительную черту капиталистическаго способа производства, уже закончилась. Соціальныя реформы и усиленіе пролетарскихъ организацій не могутъ предотвратить революцій,—онѣ могутъ въ лучшемъ случаѣ повести лишь къ тому, что классовая борьба противъ капитала превратится у болѣе развитыхъ слоевъ борющагося пролетаріата изъ борьбы за элементарныя условія существованія въ борьбу за власть.

7. Формы и оружіе соціальной революціи.

Но каковы же, спрашивается, будутъ формы, въ которыя отольется рѣшительная борьба между господствующими классами и пролетаріатомъ? Когда должны мы ожидать этой борьбы? какимъ оружіемъ будетъ располагать для нея пролетаріатъ?

Трудно дать опредѣленные отвѣты на эти вопросы. Мы можемъ заранѣе опредѣлить до извѣстной степени *направленіе* развитія, но не его *формы*, не его *темпъ*. При изслѣдованіи направленія развитія дѣло идетъ объ относительно простыхъ законахъ; тутъ можно оставить въ сторонѣ все подавляющее разнообразіе тѣхъ явленій, которыя мы не можемъ познать какъ явленія закономѣрныя, необходимыя, и которыя поэтому представляются для насъ случайными. Но именно эти послѣднія явленія и играютъ большую роль при опредѣленіи формъ и темпа движенія. Такъ, напримѣръ, во всѣхъ современныхъ культурныхъ странахъ *направленіе* капиталистическаго развитія въ теченіе послѣдняго столѣтія было одинаково, *формы* же и *темпъ* его въ каждой изъ нихъ были весьма различны. Географическія особенности, расовыя свойства, доброжелательство сосѣдей, благопріятная или неблагопріятная дѣятельность великихъ людей,—все это и еще многое другое оказывало свое вліяніе. Многихъ изъ этихъ факторовъ вообще не удавалось никогда распознать заранѣе; но и тѣ изъ нихъ, которые могутъ быть познаны, воздѣйствуютъ въ такомъ множествѣ другъ на друга, что результатъ всегда отличался крайней сложностью, и опредѣлить этотъ результатъ заранѣе, при данномъ состояніи знаній, оказывалось невозможнымъ. Поэтому-то даже такіе люди, какъ Марксъ и Энгельсъ, далеко превосходившіе всѣхъ своихъ современниковъ и по основательному и всестороннему знакомству съ соціальными отношеніями нашихъ культурныхъ странъ и по цѣлостному и плодотворному методу изслѣдованія,—съ одной стороны, могли на многія десятилѣтія впередъ опредѣлить направленіе экономическаго развитія съ такой вѣрностью, что ихъ выводы получили блестящее подтвержденіе въ ходѣ событій, а съ другой стороны, могли иногда впадать въ значительныя ошибки относительно темпа и формъ развитія въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ.

Я думаю, только одно можно теперь съ увѣренностью сказать относительно грядущей революціи: она будетъ совсѣмъ непохожа на прежнія революціи. Одна изъ величайшихъ ошибокъ, въ которую часто впадаютъ и революціонеры и ихъ противники, это представлять себѣ грядущую революцію по образцу прежнихъ революцій; а такъ какъ нѣтъ ничего легче, какъ показать, что такого рода революціи уже невозможны, то отсюда само собою напрашивается выводъ, что понятіе соціальной революціи надо будто бы вообще признать устарѣвшимъ. Въ первый разъ во всемірной исторіи предстоитъ намъ революціонная борьба, при которой могутъ быть использованы демократическія формы, борьба организацій, образовавшихся на основѣ демократическихъ вольностей, противъ силъ, какихъ еще не видывалъ міръ, и прежде всего противъ предпринимательскихъ союзовъ, предъ которыми преклоняются даже монархи и могущество которыхъ еще укрѣпляютъ бюрократія и армія, эти выработанныя абсолютизмомъ орудія силы современнаго крупнаго государства.

Далѣе, одна изъ особенностей теперешняго положенія дѣлъ заключается, какъ упомянуто выше, въ томъ, что въ настоящее время самое упорное сопротивленіе мы встрѣчаемъ обыкновенно уже не со стороны правительствъ. При абсолютизмѣ, противъ котораго направлены были прежнія революціи, правительство подавляло все и всѣ классовыя противоположности не могли развернуться открыто; правительство препятствовало свободно защищать свои интересы не только эксплуатируемымъ классамъ, но эксплуатирующимъ. На сторонѣ правительства стояла лишь одна часть эксплуатирующихъ классовъ, другая же очень значительная часть эксплуататоровъ, въ особенности промышленныхъ капиталистовъ, находилась въ лагерѣ оппозиціи, точно такъ же, какъ вся совокупность трудящихся классовъ,—не только пролетаріатъ, но и мелкая буржуазія и крестьянство, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отсталыхъ мѣстностей. Такимъ образомъ правительство стояло изолированно среди народа, не имѣло поддержки въ широкихъ слояхъ населенія и было главной силой, угнетавшей и грабившей народъ. Чтобы свергнуть такое правительство, достаточно было, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, внезапнаго государственнаго переворота.

При демократіи свободнѣе развивать свои организаціи могутъ не только эксплуатируемые, но и эксплуатирующіе классы; и они по необходимости должны это дѣлать, чтобы защищаться противъ своихъ растущихъ враговъ. Не только сила эксплуатируемыхъ классовъ, но и силы эксплуатирующихъ—значительнѣе, чѣмъ при абсолютизмѣ; они пользуются находящимися въ ихъ распоряженіи средствами борьбы болѣе безпощадно и болѣе свирѣпо, нежели само правительство, которое стоитъ уже теперь не надъ ними, а подъ ними.

Революціоннымъ слоямъ населенія приходится, слѣдовательно, имѣть дѣло уже не съ однимъ только правительствомъ, а и съ

могущественными организаціями эксплуататоровъ. И эти революціонные слои не являются, какъ было при прежнихъ революціяхъ, представителями огромнаго большинства народа противъ горсти эксплуататоровъ,—они являются теперь, въ сущности, представителями интересовъ *одного* класса, именно пролетаріата, противъ котораго стоятъ не только всѣ эксплуатирующіе классы, но и большинство мелкихъ буржуа и крестьянъ и большая часть интеллигенціи.

Только частичка интеллигенціи и тѣ изъ мелкихъ крестьянъ и мелкихъ буржуа, которые фактически являются наемными рабочими или же всецѣло зависятъ отъ покупателей изъ рабочихъ,— присоединяются къ пролетаріату. Но это—союзники подчасъ очень ненадежные (unsichere Kantonisten), всѣ они съ трудомъ поддаются *организаціи*, этому главному источнику силы и орудію силы пролетаріата.

Если, такимъ образомъ, прежнія революціи были возмущеніями народныхъ массъ противъ правительства, то грядущая революція,—исключая, быть-можетъ, Россію,—должна бы носить характеръ сверженія борьбы одной части народа противъ другой; въ этомъ, но не только въ этомъ, она должна бы меньше подходить къ типу французской революціи и больше къ типу реформаціи. Я сказалъ бы даже, пожалуй, что грядущая революція будетъ въ меньшей степени походить на внезапное возмущеніе противъ властей и въ большей степени на продолжительную *гражданскую войну*, — если бы съ этимъ послѣднимъ словомъ не соединялось представленіе о настоящихъ войнахъ и побоищахъ. Мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, чтобы *вооруженныя возстанія*, битвы на баррикадахъ и тому подобные военные эпизоды могли еще и теперь играть рѣшающую роль,—доказательства этого положенія приводились уже такъ часто, что мнѣ нѣтъ надобности еще останавливаться на нихъ. Для ниспроверженія милитаризма нельзя уже разсчитывать на то, чтобы войско было побѣждено возставшимъ народомъ; надо, чтобы само войско оказалось ненадежнымъ.

Столь же мало, какъ и отъ вооруженныхъ возстаній, можемъ мы ожидать крушенія существующаго строя и отъ *финансовыхъ затрудненій*. Въ этомъ отношеніи нынѣшнее положеніе дѣлъ тоже совсѣмъ уже не то, что было въ 1789 и 1848 гг. Въ то время капитализмъ былъ еще слабъ, накопленіе капитала незначительно, капиталовъ было мало и ихъ трудно было доставать. Вдобавокъ, капиталъ относился къ абсолютизму отчасти враждебно, отчасти же, по меньшей мѣрѣ, недовѣрчиво,—ибо правительства еще не зависѣли тогда отъ капитала, въ особенности отъ промышленнаго капитала, и иногда даже (хотя въ большинствѣ случаевъ и невольно) сильно стѣсняли его развитіе. Благодаря разлагающемуся феодализму всѣ источники богатства страны отказывались дѣйствовать, такъ что правительства все меньше и меньше могли выколачивать денегъ изъ

народа, все чаще и чаще вынуждены бывали прибѣгать къ займамъ. Это должно было вести къ финансовому краху или же къ необходимости дѣлать уступки передовымъ классамъ, при чемъ какъ эти уступки, такъ и финансовый крахъ приводили къ крушенію политическаго строя.

Совсѣмъ не то мы видимъ теперь. Капитализмъ ведетъ не къ недопроизводству, какъ феодализмъ, а наоборотъ, къ перепроизводству,—онъ задыхается отъ своей собственной тучности. Ощущается не недостатокъ въ капиталахъ, а избытокъ капиталовъ,—капиталы ищутъ выгоднаго помѣщенія, не отступая при этомъ даже передъ рискомъ. Правительства находятся въ полнѣйшей зависимости отъ класса капиталистовъ, и классъ капиталистовъ имѣетъ всѣ основанія охранять и поддерживать правительство. Увеличеніе государственныхъ долговъ можетъ, при такихъ обстоятельствахъ, дѣлаться факторомъ революціоннымъ лишь постольку, поскольку оно ведетъ къ усиленію налогового бремени, а слѣдовательно, и къ возмущенію низшихъ классовъ, но оно едва ли можетъ привести,—опять таки за исключеніемъ, *быть-можетъ*, Россіи, — къ прямому финансовому краху или хотя бы только къ серьезнымъ финансовымъ затрудненіямъ для правительства. Ожидать революціи отъ финансовыхъ затрудненій столь же мало основаній, какъ и отъ вооруженнаго возстанія.

Специфически свойственнымъ пролетаріату средствомъ давленія въ борьбѣ является организованный отказъ отъ работы,—*стачка*. Чѣмъ больше развивается капиталистическій способъ производства и чѣмъ больше концентрируется капиталъ, тѣмъ болѣе гигантскіе размѣры принимаютъ стачки. И чѣмъ больше капиталистическій способъ производства вытѣсняетъ мелкобуржуазное хозяйство, тѣмъ болѣе зависитъ все общество отъ безостановочнаго хода капиталистическаго производства, тѣмъ скорѣе становится общенароднымъ бѣдствіемъ пріобрѣтаетъ значеніе политическаго событія всякая серьезная перетурбація въ производствѣ, какую вызываетъ забастовка большихъ массъ рабочихъ. Поэтому на извѣстной высотѣ экономическаго развитія естественно возникаетъ мысль — воспользоваться стачкой, какъ средствомъ политической борьбы. Такую роль стачка не раз уже играла во Франціи и Бельгіи, и примѣненіе этого средства оказывалось иногда вполнѣ успѣшнымъ. По моему мнѣнію, въ великой революціонной борьбѣ будущаго стачкѣ суждено играть большую роль.

Такого мнѣнія я держусь уже съ давнихъ поръ. Уже въ своихъ статьяхъ о новой программѣ германской соціалдемократической партіи 1891 г. („Neue Zeit“ 1890—91, № 50, стр. 757) я указывалъ на возможность того, что „при извѣстныхъ условіяхъ, когда наступаетъ рѣшительный моментъ, когда рабочія массы сильнѣйшимъ образомъ возбуждены грандіозными событіями, массовыя забастовки могутъ привести къ крупнымъ политическимъ результатамъ“.

Говоря это, я совсѣмъ, конечно, не думаю защищать идею всеобщей стачки въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о ней анархисты и французскіе тредъ-юніонисты. По ихъ мнѣнію, всеобщая стачка должна замѣнить собою политическую, и въ особенности парламентскую, дѣятельность пролетаріата и сдѣлаться средствомъ ниспроверженія существующаго общественнаго строя съ одного маху.

Это—абсурдъ. Всеобщая стачка въ смыслѣ прекращенія работы *всѣми* рабочими страны по данному сигналу предполагаетъ съ ихъ стороны такое единодушіе и такую организованность, которыхъ едва ли когда можно будетъ достигнуть въ современномъ обществѣ. А если бы удалось достигнуть такого единодушія и такой организованности, то это была бы такая непобѣдимая сила, что рабочимъ не зачѣмъ было бы и прибѣгать ко всеобщей стачкѣ. Далѣе, подобная стачка разомъ сдѣлала бы невозможнымъ не только существованіе теперешняго общества, но и существованіе людей вообще, и притомъ существованіе пролетаріевъ еще скорѣе, чѣмъ существованіе капиталистовъ, — слѣдовательно, она неминуемо потерпѣла бы крахъ въ тотъ самый моментъ, какъ только она начала бы оказывать свое революціонное дѣйствіе.

Стачка, какъ средство политической борьбы, едва ли когда-либо приметъ форму забастовки *всѣхъ* рабочихъ страны, и ужъ навѣрное не дойдетъ до этого въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Задача такой стачки никоимъ образомъ не можетъ состоять въ томъ, чтобы *замѣнить* всѣ остальныя средства политической борьбы пролетаріата, а только въ томъ, чтобы *дополнить и усилить* ихъ. Приближаются времена, когда изолированная, неполитическая стачка будетъ столь же безнадежна противъ подавляющей силы союзовъ предпринимателей, какъ и изолированная парламентская дѣятельность рабочихъ партій противъ гнета зависящей отъ капиталистовъ государственной власти. Все болѣе и болѣе будетъ необходимо, чтобы оба эти средства борьбы дополняли другъ друга и изъ ихъ совмѣстнаго дѣйствія почерпались новыя силы.

Со всякимъ новымъ оружіемъ нужно еще научиться обращаться. Съ политическою стачкой точно также надо сперва научиться пользоваться. Она не только не представляетъ собой панацеи ото всѣхъ золъ, какъ трезвонятъ о ней анархисты, но, вопреки ихъ мнѣнію, она не является и средствомъ, достигающимъ цѣли при всякихъ обстоятельствахъ. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ изслѣдованіе условій, при которыхъ примѣнима политическая стачка; только по поводу недавнихъ событій въ Бельгіи хотѣлось бы мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе. Они показали, до какой степени властно требуетъ политическая стачка своего собственнаго метода, не соединеннаго по произволу съ другими методами, въ родѣ, напримѣръ, метода союзовъ съ либералами. Я не отвергаю подобныхъ союзовъ при всѣхъ и всякихъ обстоятельствахъ. Было бы глупо съ нашей стороны, если бы мы не

стали пользоваться несогласіями и расколами среди нашихъ противниковъ. Но не надо ожидать отъ либераловъ большаго, чѣмъ они въ состояніи дать. Въ области парламентской борьбы за то или иное мѣропріятіе противоположность между либералами и другими буржуазными противниками пролетаріата можетъ иногда быть больше, нежели противоположность между либералами и соціалистами. Въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть вполнѣ умѣстнымъ итти съ ними рука объ руку. Но внѣпарламентской борьбы за требованія революціоннаго характера нельзя вести при помощи либераловъ. Подкрѣплять силы пролетаріата въ подобнаго рода борьбѣ посредствомъ союза съ либералами,—значитъ притуплять одно изъ орудій, которыми борешься, другимъ. Политическая стачка есть чисто пролетарское средство борьбы, примѣнимое лишь въ такой борьбѣ, которую пролетаріатъ ведетъ одинъ, то-есть примѣнимое главнымъ образомъ тогда, когда борьба ведется противъ всего буржуазнаго общества. Въ этомъ смыслѣ политическая стачка является, можетъ-быть, самымъ революціоннымъ оружіемъ пролетаріата.

На ряду съ нимъ могутъ развиться еще другіе средства и методы борьбы, о которыхъ мы теперь даже и не мечтаемъ. Разница между изученіемъ методовъ и органовъ соціальной борьбы и изученіемъ ея направленія состоитъ именно въ томъ, что послѣднее можетъ быть установлено теоретически заранѣе, тогда какъ первые вырабатываются практиками: теоретики лишь впослѣдствіи, заднимъ числомъ, наблюдаютъ ихъ и изслѣдуютъ ихъ значеніе для дальнѣйшаго развитія. Рабочіе союзы, стачки, акціонерныя общества, тресты и т. д. возникли на почвѣ практики, а не теоріи. Въ этой области намъ, можетъ-быть, предстоитъ еще не мало сюрпризовъ.

Средствомъ, способнымъ ускорить политическое развитіе и передать политическую власть въ руки пролетаріата, можетъ быть и *война*. Война уже неоднократно оказывалась факторомъ въ высшей степени революціоннымъ. Бываютъ такія историческія положенія, когда революція необходима для дальнѣйшаго прогресса общества, но революціонные классы слишкомъ слабы, чтобы ниспровергнуть господствующія власти. Необходимость революціи не надо представлять себѣ въ такомъ смыслѣ, что революціонные классы всегда во-время достигаютъ и той силы, которая нужна для ея совершенія. Міръ устроенъ къ сожалѣнію, не такъ-то цѣлесообразно. Бываютъ положенія, когда безусловно необходимо, чтобы господствующій классъ былъ замѣненъ другимъ классомъ, и все-таки первый продолжаетъ держать послѣдній въ угнетеніи. Если подобное состояніе продержится слишкомъ долго, то все общество приходитъ въ упадокъ и распадается. Но при такомъ положеніи дѣлъ очень часто война выполняетъ ту задачу, которая оказалась не по плечу революціонному классу. Совершаетъ она это двоякимъ путемъ. Во-первыхъ, войны нельзя вести безъ напряженія всѣхъ силъ народа. Если въ націи существуетъ

глубокій разладъ, тогда война принуждаетъ господствующій классъ сдѣлать революціонному классу уступки, заинтересовать его въ государственныхъ дѣлахъ и, такимъ образомъ, дать ему власть, которой онъ не получилъ бы безъ войны.

Далѣе, если господствующій классъ неспособенъ на такую жертву, или если дѣлать уступки уже поздно, тогда война легко можетъ привести къ пораженію извнѣ, которое потомъ влечетъ за собою и крахъ внутри. Режимъ, главнѣйшей опорой котораго является армія, войной ниспровергаетъ, разбивая армію.

Такимъ образомъ, война оказывалась нерѣдко хотя и звѣрски-грубымъ и разрушительнымъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнымъ средствомъ прогресса при такихъ обстоятельствахъ, когда всѣ другія средства оказывались недѣйствительными.

Напримѣръ, нѣмецкая буржуазія была слишкомъ обезсилена перемѣщеніемъ экономическаго центра тяжести Европы на приморскія страны Атлантическаго океана и тринадцатилѣтней войной съ ея послѣдствіями,—чтобы ниспровергнуть феодальный абсолютизмъ собственными силами. Она отдѣлалась отъ него, благодаря наполеоновскимъ войнамъ, а потомъ воинамъ бисмарковской эры. Духовное завѣщаніе 1848 года было вообще выполнено войнами контръ-революціонныхъ силъ, какъ на это указывалось уже неоднократно.

Въ настоящее время мы переживаемъ такой же періодъ внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ осложненій, какъ и въ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ. Горючаго матеріала опять накопилась масса. Все грознѣе становятся проблемы внутренней и внѣшней политики, ожидающія разрѣшенія; но ни одинъ изъ господствующихъ классовъ ни одна изъ господствующихъ партій не осмѣливается приступить серьезно къ ихъ рѣшенію, такъ какъ рѣшеніе невозможно безъ глубокихъ потрясеній, а этого-то они и боятся, отлично зная, какъ огромны силы пролетаріата, которыя грозитъ высвободить изъ пути всякое болѣе или менѣе глубокое потрясеніе.

Выше я указывалъ на застой во внутренней политической жизни, находящій себѣ самое яркое выраженіе въ прогрессирующемъ паденіи парламентаризма. Но рука объ руку съ этимъ застоемъ внутри идетъ и застой въ иностранной политикѣ Европы. Боятся всякой энергичной политики, которая могла бы привести къ международному конфликту,—боятся не изъ этическаго убѣжденія во вредѣ войны, а изъ страха передъ революціей, которою могла бы окончиться война. Поэтому вся государственная мудрость нашихъ правителей не только во внутреннихъ, но и во внѣшнихъ дѣлахъ, заключается въ томъ, чтобы откладывать въ дальній ящикъ всякій вопросъ, чтобы накоплять массу неразрѣшенныхъ проблемъ. Благодаря этому все еще продолжаетъ существовать цѣлый рядъ такихъ государствъ, которыя уже полвѣка тому назадъ осудило на смерть болѣе энергичное, революціонное поколѣніе,—напримѣръ, Турція и Австрія; съ другой стороны, по

той же самой причинѣ у буржуазіи совершенно пропалъ интересъ къ независимому польскому національному государству.

Но всѣ эти очаги кризиса не потухли, они каждый разъ могутъ воспламениться вновь, подобно Лысой Горѣ (Mont Pelée) на Мартиникѣ, и вызвать опустошительныя войны. Само экономическое разстройство создаетъ новые очаги и новыя причины кризисовъ, новыя плоскости тренія и новые поводы къ военнымъ столкновеніямъ, ибо оно пробуждаетъ въ господствующихъ классахъ жадное стремленіе къ монополизированію рынковъ, къ захвату заокеанскихъ областей и выдвигаетъ на первый планъ, вмѣсто мирно настроеннаго промышленнаго капиталиста,—склоннаго къ политикѣ насилій финансоваго туза.

Единственная гарантія мира заключается теперь въ страхѣ передъ революціоннымъ пролетаріатомъ. Событія покажутъ, долго ли этотъ страхъ въ состояніи будетъ перевѣшивать накопляющіеся поводы къ конфликтамъ. При этомъ надо принять во вниманіе, что существуетъ цѣлый рядъ державъ, которымъ еще не приходится бояться самостоятельнаго, революціоннаго пролетаріата, и нѣкоторыя изъ нихъ находятся всецѣло подъ властью беззастѣнчивой и грубой клики финансовыхъ тузовъ. Державы эти, до сихъ поръ не игравшія важной роли въ международномъ концертѣ или отличавшіяся миролюбіемъ, все болѣе и болѣе начинаютъ выступать теперь въ роли международныхъ забіякъ (нарушителей мира). Таковы прежде всего Соединенные Штаты, потомъ Англія и Японія. Россія фигурировала прежде на первомъ планѣ въ числѣ международныхъ забіякъ; въ настоящій моментъ ея геройскій пролетаріатъ заставилъ ее присмирѣть до поры до времени. Но затѣмъ, кромѣ заносчивости ничѣмъ не сдерживаемаго внутри страны правительства, которому не приходится бояться никакого революціоннаго класса, стоящаго у него за спиной, войну можетъ вызвать и отчаяніе теряющаго подъ ногами почву правительства, какъ это было въ 1870 году при Наполеонѣ III, и какъ это будетъ, можетъ быть, при Николаѣ II. Наибольшая опасность международному миру угрожаетъ теперь со стороны именно этихъ державъ, со стороны треній между ними, а не между, напримѣръ, Германіей и Франціей или Австріей и Италіей. Вообще намъ необходимо считаться съ возможностью войны въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, а, слѣдовательно, съ возможностью такихъ политическихъ потрясеній, которыя или прямо закончатся пролетарскими возстаніями, или по крайней мѣрѣ, расчистятъ дорогу для таковыхъ.

Оговорюсь, во избѣжаніе недоразумѣній, что я разсуждаю въ этомъ вопросѣ какъ изслѣдователь, отнюдь не выступая съ пророчествами и еще менѣе—съ своими пожеланіями. Я изслѣдую, что *можетъ* быть, я не предсказываю, что *будетъ*, и уже совсѣмъ не призываю здѣсь чего-либо такого, что *должно бы* быть. Если я говорю здѣсь о войнѣ, какъ о средствѣ, могущемъ вызвать революцію, то это

этнюдь не значитъ, будто я желаю войны. Ужасы ея такъ велики, что развѣ только фанатики милитаризма могутъ найти въ себѣ настолько печальнаго мужества, чтобы хладнокровно требовать войны. Мало того, если бы даже революція была не средствомъ, ведущимъ къ опредѣленной цѣли, а конечной цѣлью, достиженіе которой желательно цѣною какихъ угодно, хотя бы и самыхъ кровавыхъ, жертвъ,— то и тогда нельзя было бы желать войны, какъ средства вызвать революцію. Дѣло въ томъ, что война является самымъ нераціональнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли. Она приноситъ съ собою такія страшныя опустошенія, предъявляетъ такія огромныя требованія къ государству, что вытекающая изъ войны революція сильнѣйшимъ образомъ обремененяется такими задачами, которыя ей несвойственны и которыя поглощаютъ на время всѣ ея средства и силы. Кромѣ того, революція, являющаяся результатомъ войны, служитъ признакомъ слабости революціоннаго класса, а нерѣдко и причиною дальнѣйшаго обезсиленія его, обезсиленія какъ вслѣдствіе тѣхъ жертвъ, которыми она сопровождается, такъ и вслѣдствіе той моральной и интеллектуальной деградаціи, которая въ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ за войною. Получается, слѣдовательно, громадное увеличеніе задачъ революціоннаго режима и одновременно съ тѣмъ ослабленіе его силъ. Оттого-то революція, вызванная войною, скорѣе терпитъ крушеніе или утрачиваетъ преждевременно свою жизненную энергію. Посмотрите, какъ рѣзко отличается буржуазная революція во Франціи, гдѣ она была послѣдствіемъ возстанія народа, отъ буржуазной революціи въ Германіи, гдѣ она была, такъ сказать, введена въ страну рядомъ войнъ! А изъ возстанія парижскаго пролетаріата пролетарское дѣло извлекло бы несравненно больше пользы, если бы это возстаніе не было вызвано преждевременной войною 1870—71 гг., а произошло бы позднѣе, въ такой моментъ, когда парижане получили бы достаточно силы, чтобы и безъ войны выгнать конъ Луи-Наполеона съ его бандой. Итакъ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія желать, чтобы наше движеніе впередъ было искусственно ускорено войною.

Но не въ нашихъ желаніяхъ дѣло. Правда, люди сами дѣлаютъ свою исторію, но они не выбираютъ по своему усмотрѣнію ни тѣхъ задачъ, которыя имъ приходятся разрѣшать, ни условій, среди которыхъ они живутъ, ни средствъ, съ помощью которыхъ они разрѣшаютъ эти задачи. Если бы все зависѣло отъ нашихъ желаній,— кто изъ насъ не отдалъ бы предпочтенія мирному пути передъ насильственнымъ, который, быть можетъ, окажется не по плечу нашимъ личнымъ силамъ, который, быть можетъ, даже поглотитъ насъ. Но наша задача—не высказывать благочестивыя пожеланія, не требовать отъ міра, чтобы онъ подчинялся имъ, а *познавать* данныя задачи, обстоятельства и средства для того, чтобы рационально пользоваться послѣдними для разрѣшенія первыхъ.

Изслѣдованіе фактовъ—вотъ основа раціональной политики. Если я держусь убѣжденія, что мы идемъ навстрѣчу революціонной эпохѣ, о моментѣ наступленія которой ничего, разумѣется, сказать нельзя, то къ этому убѣжденію я пришелъ путемъ изслѣдованія фактическихъ условій, а не на основаніи своихъ желаній. Я ничего такъ сильно не желаю, какъ чтобы я оказался неправымъ, чтобы оказались правыми тѣ, кто полагаетъ, что самыя главныя трудности эпохи перехода отъ капитализма къ соціализму лежатъ уже позади насъ, что мы уже пріобрѣли теперь всѣ существенныя основанія для мирнаго перехода къ соціализму. Къ сожалѣнію, я не вижу никакой возможности принять этотъ взглядъ. Самое великое и самое трудное—борьба за политическую власть — еще предстоитъ намъ; и рѣшеніе будетъ дано только долгой и упорной борьбой, которая потребуетъ отъ насъ самаго крайняго напряженія всѣхъ нашихъ силъ.

Нельзя причинить пролетаріату большаго зла, какъ совѣтуя ему теперь уже начать разоружаться, чтобы помочь буржуазіи, якобы идущей навстрѣчу его желаніямъ. При теперешнемъ положеніи дѣлъ это значитъ не больше, не меньше какъ выдать пролетаріатъ со головою буржуазіи, поставить его въ духовную и политическую зависимость отъ нея, обезсилить и унизить его, сдѣлать его несп собнымъ разрѣшить великія историческія задачи, стоящія предъ нимъ.

Что это не преувеличеніе,—доказательствомъ тому служитъ судьба англійскаго пролетаріата. Нигдѣ пролетаріатъ не отличается такой многочисленностью, нигдѣ его экономическія организаціи не достигли такого высокаго развитія, нигдѣ не пользуется онъ такой широкой политической свободой, какъ въ Англіи,—и въ то же время нигдѣ пролетаріатъ не страдаетъ такимъ политическимъ безсиліемъ. Англійскій пролетаріатъ не только утратилъ всякую самостоятельность въ сферѣ высшей политики, — онъ не умѣетъ теперь даже отстаивать свои ближайшіе интересы.

Сошлемся здѣсь опять на не разъ уже цитированную статью супруговъ Вэббъ, — писателей, которыхъ никому не придетъ въ голову заподозрить въ революціонизмѣ. „Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ,—этого періода промышленнаго подъема“,—читаемъ мы въ названной статьѣ,— „участіе англійскаго рабочаго въ рабочей политикѣ“ постепенно уменьшалось. Законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ и конструктивный *) соціализмъ во вкусѣ фабіанскаго общества, которыми такъ ревностно занимались рабочіе союзы въ періодъ времени съ 1890 по 1893 гг., перестали мало-по-малу интересовать ихъ. Число рабочихъ депутатовъ въ Палатѣ Общинъ не увеличилось“

*) Конструктивный—буквально: строительный, созидательный. Подъ конструктивнымъ соціализмомъ разумѣются тѣ мелкія соціальныя реформы, изъ которыхъ медленно, постепенно и самъ собою долженъ создаться соціализмъ по мнѣнію фабіанцевъ. Прим. переводчика.

Даже тѣ гнусные удары, съ которыми въ самое послѣднее время обрушились на англійскій пролетаріатъ его враги, не могутъ встряхнуть его. Онъ безмолвствуетъ, когда насильственно разрушаютъ его тредъ-юніоны, когда удорожаютъ его хлѣбъ. Въ качествѣ политическаго фактора, англійскіе рабочіе стоятъ теперь ниже, чѣмъ рабочіе экономически самаго отсталаго, политически самаго несвободнаго изъ европейскихъ государствъ—Россіи. Живое революціонное сознаніе,—вотъ что даетъ послѣднимъ ихъ великую практическую силу; отреченіе отъ революціи, нежеланіе итти дальше интересовъ минуты, такъ называемая „реальная политика“,—вотъ что дѣлаетъ первыхъ нулемъ въ дѣйствительной политикѣ.

Но кромѣ утраты политической силы эта „реальная политика“ ведетъ за собой моральную и интеллектуальную деградацію.

Я говорилъ выше о моральномъ возрожденіи пролетаріевъ, которыхъ изъ варваровъ современнаго общества сдѣлались самымъ крупнымъ факторомъ поддержанія и дальнѣйшаго развитія нашей культуры. Но пролетаріи поднялись такъ высоко только тамъ, гдѣ они продолжали оставаться въ самомъ рѣзкомъ антагонизмѣ съ буржуазіей, гдѣ стремленіе къ завоеванію политической власти поддерживало въ нихъ живое сознаніе того, что они призваны поднять на высшую ступень вмѣстѣ съ собою и все общество. И тутъ Англія опять показываетъ намъ, къ чему приходитъ тотъ рабочій классъ, который отрекается отъ революціи и занимается лишь „реальной политикой“, который плюетъ на свои идеалы и отвергаетъ всякую цѣль борьбы, не отливающуюся въ форму фунтовъ и шиллинговъ. Даже изъ буржуазныхъ устъ слышатся жалобы на моральный и духовный упадокъ высшихъ слоевъ англійскаго рабочаго класса, раздѣляющихъ въ этомъ отношеніи судьбу буржуазіи. Эти рабочіе теперь представляютъ изъ себя, пожалуй, не что иное, какъ маленькихъ буржуа, которые отъ другихъ буржуа отличаются лишь нѣсколько большей некультурностью и высшій идеалъ которыхъ заключается въ томъ, чтобы по-обезьяньи передразнивать своихъ господъ, перенимать ихъ лицемѣрную респектабельность, ихъ преклоненіе передъ богатствомъ, какъ бы ни было нажито это послѣднее, ихъ пошлое времяпрепровожденіе. Эмансипація рабочаго класса кажется имъ глупой мечтой; а вотъ игра въ мячъ, боксъ, скачки, пари занимаютъ ихъ больше всего на свѣтѣ, поглощаютъ все ихъ свободное время, всѣ силы души, всѣ матеріальныя средства.

Напрасно стараются посредствомъ моральныхъ проповѣдей внушить англійскимъ рабочимъ болѣе высокое жизнепониманіе и возбудить въ нихъ интересъ къ болѣе благороднымъ стремленіямъ. Этика пролетаріата проистекаетъ изъ его революціоннаго рвенія, изъ него почерпаетъ пролетаріатъ свою мощь, имъ онъ облагораживается. Идея революціи—вотъ что вызвало тотъ изумительный подъемъ

пролетаріата изъ его глубочайшаго приниженія, который представляетъ собой самый грандіозный результатъ второй половины XIX вѣка.

Этотъ революціонный идеализмъ мы и должны прежде всего сохранить; а тогда—пусть будетъ, что будетъ,—мы сумѣемъ перенести самыя суровыя испытанія, выполнить самую трудную работу и оказаться на высотѣ великихъ историческихъ задачъ, ожидающихъ отъ насъ разрѣшенія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНІЙ

НА ГАЗЕТУ

„ИЗВѢСТІЯ ВСЕРОССІЙСКАГО ЦЕНТРАЛЬНАГО ИСПОЛНИТ. КОМИТЕТА СОВѢТОВЪ КРЕСТЬЯН., РАБОЧИХЪ, СОЛДАТ И КАЗАЧЬИХЪ ДЕПУТАТОВЪ".

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ 1-го октября

На 1 мѣсяцъ	8 р.	— к.
„ 2 „	15 „	— „
„ 3 „	22 „	— „

Условія пріема объявленій:

Плата за строку петитовой мѣста, занимаемаго объявлен. въ одномъ столбцѣ.

Объявленія казен. и обществен. учрежденій . . .	5 р.	Объявленія случайныя не торгов. характ.	8 р.
Объявленія о книгахъ и журналахъ по вторникамъ .	5 р.	Объявленія квартир., комн. и торг. помѣщ.	10 р.
Объявленія о медицинской помощи	6 р.	Объявленія о куплѣ, прод. и торгово-промышлен. фирм	10 р.
Объявленія о театрѣ и зрѣлищахъ съ благотворит. цѣлью.	5 р.	Объявленія о смерти, похор. и выносахъ	12 р.

Разсылка при газетѣ вкладныхъ объявленій, прейсъ-курантовъ и т. п. по особому соглашенію.

АДРЕСЪ: МОСКВА.

Главная контора: Тверская, д. 48. Телефонъ 90-86.

Отдѣленія конторы: Тверская, 37. Тел. 2-35-10. Мясниц., 9. Тел. 2-54-07

ОТДѢЛЕНІЕ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ, НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, 52.

Письменные и телеграфные заказы на подписку и объявленія, а также денежные переводы направлять главной конторѣ.

Кромѣ главной конторы и ея отдѣленій, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, подписка и объявленія принимаются во всѣхъ конторахъ по пріему объявленій, продажѣ газетъ, почтово-телеграфн. конторахъ, книжныхъ магазинахъ, во всѣхъ Совдепахъ и жел.-дор. кіоскахъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ И СКОРО ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ

Совѣтскій Календарь

НА 1919 ГОДЪ.

Изданіе Издательства Всеросс. Центр. Исполн. Комитета

КАЛЕНДАРЬ БУДЕТЪ ИЛЛЮСТРИРОВАНЪ КАРТИНАМИ ВЪ КРАСКАХЪ.

ВЪ СОСТАВЪ КАЛЕНДАРЯ ВОЙДУТЪ СЛѢДУЮЩІЕ ГЛАВНѢЙШІЕ ОТДѢЛЫ:

1. Революціонная памятка, святцы.
2. Вселенная, земля и человѣчество.
3. Всемірная исторія.
4. Исторія и географія Россіи.
5. Экономическій отдѣлъ.
6. Народное хозяйство.
7. Культурно-просвѣтительный отдѣлъ.
8. Литературно-художественный отдѣлъ.
9. Справочный отдѣлъ.
10. Библіографія.

Предполагаемая цѣна Совѣтскаго Календаря 3 рубля.

Всѣмъ Совѣтскимъ учрежденіямъ, желающимъ подписаться на календарь заблаговременно, надлежитъ обращаться по адресу: Москва, Тверская, 11, Издательство Всеросс. Центр. И. К. Совѣтовъ Р. С., К. и К. Д., Календарный отдѣлъ.

34. **Л. Троцкій.** Жанъ Жоресъ . . . . . — р. 20 к.
35. **К. Марксъ и Ф. Энгельсъ.** Манифестъ Коммунистич. партіи . . — „ 50 „
36. **Е. Преображенскій.** Нужна ли хлѣбная монополія . . . . . — „ 10 „
37. **Н. Бухаринъ.** Всеобщая дѣлежка или коммун. производство — „ 10 „
38. **М. Суматохинъ.** Давайте жить коммуной . . . . . — „ 40 „
39. **І. Быкъ.** Медицина и Совѣтская власть . . . . . — „ 50 „
40. **Д. Бѣдный.** Отцы духовные . . . . . 1 „ — „
41. **Д. Бѣдный.** Сказки сладки про старые порядки . . . . . 1 „ 25 „
42. **Д. Бѣдный.** Коммунистическая марсельеза . . . . . — „ 10 „
43. **К. Левинъ.** Послѣдній русскій царь Николай II . . . . . — „ 60 „
44. **М. Конколь.** Коммуна 1871 . . . . . — „ 25 „
45. **К. Каутскій.** Классовые интересы . . . . . — „ 25 „
46. **В. Либкнехтъ.** Воспоминаніе о Марксѣ . . . . . — „ 60 „
47. **Н. Бухаринъ.** Церковь и школа въ Совѣтской Республикѣ . — „ 15 „
48. **К. Цеткинъ.** Борьба за свободу и миръ въ Россіи . . . . . — „ 15 „
49. **Л. Петровичъ.** Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь . . . — „ 15 „
50. **Конституція Росс. Соц. Фе ерат. Совѣтской Республики** . . — „ 20 „
51. **Н. Антоновъ.** Карлъ I, Людовикъ XVI, Николай II . . . . — „ 15 „
52. **В. П. Милютинъ.** Современ. эконом. развит. Россіи и диктатура пролетаріата . . . . . 1 „ 50 „
53. **К. Каутскій.** Эрфуртская программа . . . . . 3 „ — „
54. **В. Керженцевъ.** Борьба за землю и волю въ Ирландіи (2-е изд.). — „ 80 „
55. **Коммунисты Запада о Совѣтской Россіи.** Сборникъ статей . — „ 60 „
56. **Э. Беллами.** Сказка о водѣ . . . . . — „ 15 „
57. **І. Штернъ.** Историческій матеріализмъ . . . . . — „ 15 „
58. **І. Штернъ.** Теорія прибавочной цѣнности К. Маркса . . . . — „ 15 „
59. **П. Орловскій.** Возникновеніе рабочаго класса . . . . . — „ 15 „
60. **А. Коллонтай.** Работница-мать . . . . . — „ 20 „
61. **А. Бебель.** Христіанство и соціализмъ . . . . . — „ 25 „
62. **П. Лафаргъ.** Поклоненіе золоту . . . . . — „ 25 „
63. **А. Луначарскій.** Культурныя задачи рабочаго класса . . . — „ 20 „
64. **Э. Вандервельде.** Парижская Коммуна . . . . . — „ 20 „
65. **Викентьевъ.** Какъ французы добывали себѣ свободу . . . . — „ — „
66. **П. Лафаргъ.** Проданный аппетитъ . . . . . — „ 25 „
67. **В. Либкнехтъ.** Мартовскіе дни 1848 и 1871 гг. . . . . — „ 25 „
68. **В. Карпинскій** Что такое Совѣтская власть. . . . . — „ 40 „
69. **Г. Плехановъ.** Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію . . . . . — „ — „
70. **Скифъ.** Международная политика Совѣтской власти . . . — „ 60 „
71. **В. Карпинскій.** Миръ или война . . . . . — „ — „
72. **Р. Кальверъ.** Соціалъ демократія и христіанство . . . . . — „ — „
73. **К. Марксъ.** Наемный трудъ и капиталъ . . . . . — „ — „
74. **К. Цеткинъ.** Женщина и ея экономическое положеніе . . . — „ — „
75. **Г. Грейлихъ.** Матеріалистическое пониманіе исторіи . . . — „ — „
76. **В. Либкнехтъ.** Революція въ Парижѣ . . . . . — „ 25 „
77. **С. Даниловъ.** Черное воинство . . . . . — „ — „
78. **К. Каутскій.** Соціальная революція . . . . . — „ — „
79. **К. Каутскій.** На другой день послѣ соціальной революціи . — „ — „
80. **К. Марксъ.** Заработная плата, цѣна и прибыль . . . . . — „ — „
81. **Фр. Энгельсъ.** Людвигъ Фейербахъ . . . . . — „ — „
82. **К. Марксъ.** Нищета философіи . . . . . — „ — „
83. **В. Мещеряковъ.** О сельско-хозяйственныхъ коммунахъ . . — „ 90 „
84. **А. Луначарскій.** Діалогъ объ искусствѣ . . . . . — „ — „
85. **К. Каутскій.** Происхожденіе первобытной библейской исторіи — „ 25 „
86. **М. Покровскій.** Экономическій матеріализмъ . . . . . — „ — „
87. **М. Покровскій.** Царизмъ и революція . . . . . — „ — „
88. **Фр. Энгельсъ.** Теорія научнаго соціализма. (Анти-Дюрингъ) — „ — „

89. **Ю. Стекловъ.** Послѣднее слово антисемитизма . . . . . — р. — к
90. **Ю. Стекловъ.** Черная сотня во Франціи . . . . . 1 „ — „
91. **Ю. Стекловъ.** Революція 1848 г. во Франціи . . . . . — „ 90 „
92. **Ю. Стекловъ.** Политическая позиція и провокація во Франціи . . . . . — „ — „
93. **В. Керженцевъ.** Библіотека коммуниста . . . . . — „ — „
94. **Фр. Мерингъ.** Карлъ Марксъ . . . . . — „ — „
95. **Фр. Мерингъ.** Въ эпоху войны и краха Интернаціонала . . — „ — „
96. **Фр. Адлеръ.** Возрожденіе Интернаціонала . . . . . — „ — „
97. **Н. Ленинъ.** Письмо къ американскимъ рабочимъ . . . . . — „ 20 „
98. **Е. Ярославскій.** Великій вождь рабочей революціи (В. И. Ульяновъ Ленинъ) . . . . . — „ 15 „
99. **Я. Жигуръ.** Организація коммунистич. хозяйствъ въ земледѣліи . . . . . — „ 50 „
100. **Ватинъ.** Что такое коммуна . . . . . — „ 15 „
101. **Фр. Мерингъ** Историческій матеріализмъ . . . . . — „ — „
102 **В. Керженцевъ** Союзники и Россія . . . . . — „ — „
103. **К. Радекъ.** Международное положеніе и внѣшняя политика Совѣтскаго правительства . . . . . — „ 30 „
104. **В. Керженцевъ.** Какъ вести собранія . . . . . — „ 60 „
105. **Ріенци** Разъ должна быть земля наша . . . . . „ 25 „
106. **Н. Подвойскій.** Правда о чехо-словакахъ . . . . . — „ 25 „
107. **Фр. Мерингъ и П. Лафаргъ.** Фридрихъ Энгельсъ . . . . — „ 25 „
108. **Н. Ленинъ** О международномъ положеніи . . . . . — „ 25 „
109. **Н. Ленинъ.** Революціонная война . . . . . — „ 25 „
110. **А. Бебель.** Государство будущаго . . . . . 1 „ 25 „
111. Міровая война и міровая революція . . . . . „ 25 „
112. **К. Каутскій.** Возникновеніе рабочаго класса и образованіе ремесленныхъ цеховъ . . . . . — „ 25 „
113. **Л. Троцкій.** Совѣтская власть и международный имперіализмъ. — „ 25 „
114. **Л. Троцкій.** Красная армія . . . . . — „ 50 „
115. **Л. Троцкій.** Организація Красной арміи . . . . . — „ 50 „
116. **Л. Троцкій.** Международное положеніе и Красная армія . . — „ 40 „
117 **А. Панекукъ.** Раздѣлъ добычи . . . . . — „ 25 „
118. **А. Митрофановъ.** Комитеты деревенской бѣдноты . . . . — „ 15 „
119. **М. Люція.** Судъ и соціализмъ . . . . . — „ 30 „
120 Письмо Красной арміи . . . . . — „ 10 „
121 Привѣтъ отъ Совѣтской Россіи (къ вернувшимся плѣнным) . — „ 10 „
122 **Ю. Стекловъ.** Почему мы коммунисты . . . . . — „ — „
123. **К. Марксъ.** Гражданская война во Франціи . . . . . 1 „ — „
124. **К. Марксъ.** Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта . . . . — „ — „
125. **К. Марксъ.** Революція и контръ-революція въ Германіи . . — „ — „